

Глава 10. Музеи в 1990-е годы: высадка на Луне

1990-е годы стали весьма драматическим периодом в истории российских музеев. Во-первых, начались совершенно новые институциональные процессы: реституция экспонатов, ранее вывезенных из других стран и возврат музейных ценностей и зданий Русской православной церкви и другим религиозным организациям. Сотрудникам музеев приходилось принимать в этих условиях очень сложные решения о том, как быть с целостностью коллекций и с экспозиционными помещениями. Во-вторых, в связи с изменением законодательной базы решения, регулирующие те или иные имущественные отношения, появлялись с задержкой, нуждались в доработке и дополнительных разъяснениях. Музеям приходилось действовать в условиях «ручного» управления. Кроме того, часть музеев и коллекций была утрачена (особенно печальна судьба музеев в Чечне). Часть музеев, основанных на идеологических догмах, стали в новых политических условиях бессмысленными, или, как минимум, нуждающимися в радикальном реформировании, -- например, ленинские музеи. Посещаемость культурных организаций резко упала, стал очевидным дефицит финансовых и человеческих ресурсов, еще одной проблемой, как уже сказано, были масштабный идеологический кризис и трансформация социальных ожиданий – все эти факторы привели к тому, что музеям остро не хватало денег¹.

Тем не менее в этих условиях музейные сотрудники проводили исследования, создавали новые экспозиции, экспериментировали с необычными формами работы с посетителями, активно проводили конференции по обмену опытом, впервые открывали для себя опыт зарубежных музеев, возможности и поддержку не только государственных, но и частных институций, начинали участвовать в международных конкурсах и совершенно по-новому осмысливать свою работу.

Музейные работники в России 1990-х оказались в положении поселенцев, внезапно высадившихся на Луне. В содержательном плане им пришлось отвечать на новые вызовы: слом прежних социальных и культурных конвенций, «религиозный ренессанс», «архивная революция», активное распространение новых исторических мифов и идеологий – все это повлияло на представление о музее, о его коллекциях и о формах работы музея с аудиторией. Появляются и развиваются теории о коммуникационном подходе, экомuzeологии, теории

¹ В 1993-1994 годах музееведы писали о снижении общественного интереса к музеям как о самой опасной тенденции. См.: Музейное дело России / Под ред. Каулен М.Е., Коссовой И.М., Сундиевой А.А. М.: ВК, 2010. С. 175.

музеефикации и нематериальном наследии, о музейной педагогике, «открытом музее», модернизации экспозиционной деятельности и использовании новых технологий в деятельности музея. Исторические и краеведческие музеи более других оказались в условиях необходимости модернизации экспозиций. Во многих учреждениях сотрудники решили их «минимизировать», уделив гораздо большее, чем прежде, внимание выставочной деятельности².

В этой главе я постараюсь предложить обзор музейной сети постсоветской России, рассмотреть основные конфликтные моменты музейной истории 1990-х годов, предложить описание кризисного состояния музейных институций и способов выживания и обновления музейных экспозиций, придуманных сотрудниками музеев. Несмотря на резкий спад посещаемости и общественной заинтересованности, музеи стали бороться за посетителя, одновременно осваивая и проектную деятельность, и менеджмент, и маркетинг, и продюсирование культурных мероприятий, и технические новшества. 1990-е стали временем «запойных дискуссий»³, полуголодного существования и интенсивного поиска нового.

10.1. Проблема сохранения музейного имущества

Одна из основных проблем музеев в 1990-е – сохранение движимого и недвижимого имущества. Стихийная приватизация земель и помещений, передача зданий и предметов религиозного назначения в ведение соответствующих объединений, претензии других стран по поводу ценностей, вывезенных на территорию СССР во время Второй мировой войны⁴, – всё это вопросы, требовавшие создания нового законодательства на федеральном, региональном и местном уровнях, а также вызывавшие споры в профессиональной среде. Именно вопросам сохранения наследия были посвящены первые законодательные инициативы начала 1990-х годов.

10.1.1. Реституция: законодательное регулирование и повседневная практика

Указ президента № 294 от 18 декабря 1991 года «Об особо ценных объектах национального наследия России»⁵ гарантировал сохранность включенных в список объектов -- для обеспечения защиты «культурного наследия народов РСФСР». В список вошли крупнейшие музеи: Московский Кремль, Государственный Исторический музей, Эрмитаж,

² Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX-XXI веков / Труды ГИМ. Вып. 127. М., 2001. С. 7.

³ Петровская Л.А. 40 лет Соловецкому музею-заповеднику: сотрудники вспоминают. Соловецкий музей. Вестник. 2007. № 8 (24 сентября) (<http://arhpress.ru/solovki/2007/9/24/2.shtml>). Дата обращения: 30.08.2019).

⁴ См., например: Иванова Н.И. Перемещенные культурные ценности: даты и факты. СПб., 2011.

⁵ При обзоре законодательных актов была использована книга: Музееведческая мысль в России XVIII-XX веков. Сборник документов и материалов. М.: Этерна, 2010.

Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Третьяковская галерея, Кунсткамера, Политехнический музей и т.п. Указ президента № 1487 от 30 ноября 1992 года уточнял: отнесение объекта к категории «особо ценных» предполагает усиленную государственную поддержку. Положение «Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации» расширяло список (или Государственный свод) таких учреждений. В него были включены не только учреждения культуры, но и другие объекты. Кроме того, в Положении были обозначены принципы, по которым формируется список, и процедура включения объектов в него: предложение вносится государственными и общественными организациями, решение принимает Государственный экспертный совет при Президенте РФ по особо ценным объектам культурного наследия, согласовывая его с Верховным Советом РФ. В новом законодательном акте провозглашалось, что такие объекты могут находиться только в федеральной собственности, их перепрофилирование не допускается. Объекты, включенные в Государственный свод, могут быть включены в список наследия ЮНЕСКО. Согласно Положению, Правительство должно обеспечить правовые, финансовые и материальные условия, необходимые для сохранности, целостности и неотчуждаемости собраний, коллекций и фондов таких объектов.

Все эти акты должны были гарантировать сохранность коллекций «особо ценных объектов», но не решали более общей проблемы: как в новых условиях заботиться о своих экспонатах всем остальным музеям. Кроме того, требовало урегулирования приобретения и продажа экспонатов – в том числе за границей. Для решения всех этих задач был принят Закон РФ от 15 апреля 1993 года №4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей». Он запретил вывозить из РФ особо ценные объекты культурного наследия; предметы, внесенные в охранные списки и реестры; культурные ценности, постоянно хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, архивах и библиотеках, причем по решению уполномоченных государственных органов это правило могло быть распространено на иные музеи, архивы, библиотеки, а также любые культурные ценности, созданные более 100 лет назад на момент вывоза. Кроме того, в законе впервые был описан порядок временного вывоза культурных ценностей из России.

Указ президента РФ № 809 от 30 июля 1992 года «О мерах по сохранению культурных ценностей и предотвращению их незаконного вывоза за пределы Российской Федерации» предписывал установить специальный дифференцированный сбор за право вывоза культурных ценностей в рамках предпринимательской деятельности, который было необходимо выплачивать в республиканский бюджет РФ; таможенная пошлина при этом не взималась. Этот акт действовал до 30 мая 1994 года, когда был выпущен отменяющий его указ

№ 1108 «О реализации предметов антиквариата и создании специально уполномоченного органа государственного контроля по сохранению культурных ценностей».

В это время рынок наводнили дешёвые произведения искусства. Уже в 1995 году в статистико-аналитическом отчете о деятельности российских музеев можно было прочитать: «...хотя ценовой разброс на культурные ценности еще велик, время, когда редчайшие произведения искусства за бесценок продавались в государственных антикварных магазинах, навсегда исчезая за границей, прошло»⁶. Стоимость товаров на интенсивно развивавшемся антикварном рынке выросла за несколько лет⁷, и к 1994 году торговля антиквариатом стала одним из наиболее прибыльных видов предпринимательской деятельности – с уровнем рентабельности 30% в год⁸. В середине 1990-х годов в Москве проводится по 3-4 аукциона в месяц с ежемесячным оборотом 150 млн. долларов (аукционы фирмы «Аль-Арт», столичные картинные галереи и музеи «Марс», «Гелос», Русский национальный музей искусства).

Ключевой закон, регулирующий деятельность музеев, был принят только в 1996 году. До этого его содержание широко обсуждалось в печати. Показательна статья М.Б. Гнедовского⁹, на тот момент -- старшего научного сотрудника Российского института культурологии: по его мнению, новый закон должен был охранять музеи и давать им право самостоятельно формировать собственную политику, стимулировать развитие горизонтальных связей и поощрять открытость музеев обществу. Для этого следовало бы не только определить границы между движимыми и недвижимыми элементами наследия и зафиксировать неделимость музейных коллекций, но и включить в сферу действия закона «непредметные» формы бытования наследия, такие как ритуал, фольклор, ремесла и т.д., а также обратить внимание на вторичные источники (аудио-, видео-, компьютерные), которые на тот момент не входили в перечень объектов, относимых к сфере «наследия».

Итак, Федеральный Закон №54 «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» провозгласил, что музейные коллекции неделимы (ст. 15), а государственные предметы и коллекции не подлежат отчуждению. Недвижимое имущество, закрепленное за государственными и негосударственными музеями на праве оперативного управления, согласно закону может быть изъято собственником только в случае использования этого имущества не по назначению либо в случае ликвидации музея (ст. 29 и

⁶ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). М., 1995. С. 24. Речь идет о продаже художественных ценностей за границу, инициированной советским правительством в 1920-е годы, и продолжавшейся даже во время «холодной войны». См., например: Осокина Е. Небесная голубизна ангельских одежд. Судьба произведений древнерусской живописи, 1920–1930-е годы. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 22.

⁷ Шпаковская Л. Л. Общественная ценность антиквариата // Социологический журнал, 2000. №1/2. С. 66—78. См. также: Шпаковская Л. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом // Неприкосновенный запас. 2004. № 1.

⁸ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). М., 1995. С. 24.

⁹ Гнедовский М.Б. Проблема музеев в новом законодательстве России. // Мир музея, 1993. Вып. 4 (132). С. 5-7.

30). В случае сдачи в аренду недвижимого имущества платежи остаются в распоряжении музея и направляются исключительно на поддержание технического состояния данного недвижимого имущества.

Этот закон только частично оправдал ожидания музейщиков: в нем, например, не было оговорено расширение списка «объектов наследия», поскольку первоочередной задачей тогдашних законодательных решений продолжало являться сохранение наследия в его традиционных формах. Его принятие воспрепятствовало дальнейшей приватизации музейных коллекций, происходившей в первой половине 1990-х годов, и тем самым способствовало консервации структуры музеев, сохранившейся с советских времен.

Сохранению музейного фонда РФ призван был способствовать и еще один федеральный закон -- № 64: «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй Мировой войны и находящихся на территории РФ» (принят 15 апреля 1998 года). Он провозгласил, что удержание указанных ценностей в России необходимо для частичной компенсации ущерба, нанесенного культурному достоянию страны в результате разграбления и уничтожения ее культурных ценностей нацистской Германией и ее военными союзниками. Закон вводил понятие «компенсаторной реституции» – вида материальной международно-правовой ответственности государства-агрессора, применяемой в случаях, если осуществление обычной реституции невозможно, и заключающийся в обязанности данного государства компенсировать причиненный другому государству материальный ущерб путем передачи потерпевшему государству (или путем изъятия потерпевшим государством в свою пользу) предметов того же рода, что и разграбленные и незаконно вывезенные государством-агрессором с территории потерпевшего государства. Все перемещенные культурные ценности, ввезенные в СССР в осуществление его права на компенсаторную реституцию, находятся в федеральной собственности.

Легитимность удержания культурных ценностей, перемещенных из Германии в бывший СССР, неоднократно и небезосновательно подвергалась сомнению¹⁰. Однако длительные переговоры между Россией и Германией конца 1990-х – начала 2000-х годов не привели к пересмотру закона 1998 года.

10.1.2. Музей и церковь

Многие музеи в советское время находилась в церковных сооружениях. Например, в Московской области за годы советской власти не было построено ни одного музейного

¹⁰ Основные противоречия Федерального закона с международным правом резюмированы в статье: Барышев В. Международно-правовые и аспекты компенсаторной реституции культурных ценностей // Журнал международного права и международных отношений (Минск). 2008. №2. С. 9--14.

здания¹¹. Во время «перестройки» начался возврат бывших культовых сооружений Русской православной церкви и другим религиозным организациям. Этот процесс нередко приводил к конфликтам: внезапное переселение, лишение помещений и коллекций воспринималось музейными сотрудниками как несправедливость. Часто вопрос перемещения коллекции должны были решать сами сотрудники музея: например, когда в 1991 году встал вопрос о передаче зданий Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина Русской православной церкви, музейные работники предложили перевезти свою организацию в здание «Ленинского мемориала»¹².

Приложение № 2 к Постановлению Правительства РФ от 6 мая 1994 г. № 466 под названием «Временный порядок передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения» должно было урегулировать этот процесс. «Временный порядок» предписывал: культовые здания и иное имущество религиозного назначения (то есть и недвижимое, и движимое имущество), относящиеся к федеральной собственности, передаются религиозным объединениям в собственность или пользование. Памятники истории и культуры (за исключением документов) могут передаваться религиозным объединениям в собственность, в безвозмездное пользование или использоваться совместно с учреждениями культуры на основании дополнительных соглашений и при одобрении Правительством. Особо ценные объекты культурного наследия, а также части их фондов и коллекций передаче не подлежат, но религиозные объединения могут пользоваться ими на основе соглашения.

Впрочем, и такой законодательный компромисс срабатывал не всегда. Когда в феврале 1994 года патриарх Алексей II обратился к президенту Б.Н. Ельцину с просьбой о передаче Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, и эту просьбу поддержал академик Д.С. Лихачёв, Министерство культуры пыталось апеллировать к тому, что этот объект находится в федеральной собственности -- на что представители церкви предъявили справку, составленную в Союзе адвокатов РСФСР. Справка доказывала областное подчинение музея и вдобавок указывала на сложный юридический конфликт. Декретом Совета народных комиссаров от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (п.13) все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ были объявлены народным достоянием. Через 72 года в пункте 4 Постановления Верховного Совета РСФСР от 25 октября 1990 года «О порядке введения в действие закона РСФСР «О свободе

¹¹ Поцелуева А.И. Методика экспозиционной работы музеев (по материалам научно-практического семинара работников музеев Москвы и Московской области) // Музейное дело. История XX века в музейных экспозициях. Сб. науч. тр. М., 1995. Вып. 22. С. 203.

¹² Музей и коммуникация. Концепция развития Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. М.; Самара, 1998.

вероисповедания» этот декрет был признан утратившим силу. Из этого следует логичный вывод: «...с 25.10.1990 года отпали правовые основания для признания Новоиерусалимского монастыря государственной собственностью». Поскольку РПЦ от имущества не отказывалась, речь, по мнению представителей церкви, шла о восстановлении и оформлении права на собственность¹³. Этот вывод, однако, с точки зрения музейщиков и их адвокатов, не отменял права музеев на компенсацию: вывод учреждений культуры из занимаемых ими зданий культового значения, как полагали истцы, должен был производиться только после предоставления учреждениям культуры равноценных помещений государственными органами, осуществляющими передачу. Во многих подобных случаях споры между музейщиками и представителями церкви затягивались и зачастую требовали личного вмешательства президента.

Предоставить равноценные помещения было непросто. Так, по программе федерального правительства Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник должен был полностью уйти с территории Троице-Сергиевой лавры и занять Конный двор и старую гостиницу при монастыре, здания которых находились в неудовлетворительном состоянии. «На переселение музея в установленный срок необходимо 40 млрд. рублей. Однако в 1994 г. было выделено лишь 25% запрошенных средств, а в 1995 г. не выделено ничего»¹⁴.

Так что ни принятое Приложение, ни вступившее в силу через год Постановление Правительства РФ от 14 марта 1995 года №248 «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения» не решали многих проблем. В первую очередь, в них отсутствовал разработанный механизм принятия решений о форме передачи музейного имущества. Музейные сотрудники по-прежнему опасались, что памятники могут оказаться в ненадлежащих условиях хранения и эксплуатации. Так, в начале 1990-х по распоряжению президента России началась передача зданий Тобольского кремля из ведения государственного историко-архитектурного музея-заповедника в ведение Тобольской епархии. Сотрудники музея опубликовали статью о том, как много сделал музей для сохранения и реставрации памятников, настаивая на том, что реставрация должна вестись постоянно: «Сегодня, в результате прекращения надзора Тобольского музея за их состоянием и отсутствия государственного финансирования, вновь появилась угроза их утраты»¹⁵. Несмотря на это заявление, часть памятников была возвращена

¹³ «Документы канцелярии Президента РФ из Архива Президента Российской Федерации. Копии» (1991-2001). Ф.7. Оп. 1. Д. 465. Л. 1-40.

¹⁴ Аксенова А.И. Суздаль. XX век. Из истории города-музея и музея-заповедника. – Владимир, 2004. – 208 с. – С. 66-67.

¹⁵ Сухорукова Н.В. Материалы по истории реставрации Тобольского Кремля // Развитие музейного дела в городах Тюменского Севера. Екатеринбург, 1996. С. 46.

РПЦ, в храмах начались богослужения, а следующий этап реставрационных работ пришелся только на начало XXI века.

Показательно, что в открытом письме деятелей культуры к Президенту упоминается, что «передаются именно музейные, т.е. в основном отреставрированные, находящиеся в хорошем, а то и в отличном состоянии храмы – памятники республиканского значения, составляющие лишь несколько десятков из тысяч ещё сохранившихся культовых зданий». Например, администрация Ярославля передала старообрядческой общине комплекс Иоанна Предтечи в Толчкове конца XVII века, при этом в Костромской области «из 400 сохранившихся культовых памятников лишь восемь занимают музеи, но именно на них стали претендовать местные власти и церковь»¹⁶.

Пример находящегося в Московской области Иосифо-Волоколамского (Иосифо-Волоцкого) монастыря, где в 1989 году возобновилась монашеская жизнь, давал основания усомниться в благоприятности совместного владения памятниками культуры: после передачи епархии в монастыре стали осыпаться настенная живопись и изразцы, углубляться трещины в стенах, а историко-архитектурный музей, ранее успешно функционировавший, почти прекратил свое существование.

Поскольку процедура переселения музеев и государственных коллекций не была прописана в Постановлении, это могло приводить к долгим тяжбам, как, например, между Костромским объединенным историко-архитектурным музеем-заповедником и Костромской епархией РПЦ. Музей был готов освободить здания, но ждал равноценных помещений, которые администрация области дать не могла, хотя должна была по закону, запрещающему лишать музеи занимаемых помещений без предоставления им равноценной площади¹⁷.

Удивительная история, достойная более развёрнутого описания, случилась со Свято-Троицким Ипатьевским монастырём¹⁸: согласно выписке из протокола заседания синода РПЦ, с февраля 1992 года он был открыт с возобновлением в нём монашеской жизни. После этого в канцелярию президента РФ пришло письмо от Александра (Могилева), епископа Костромского и Галичского, председателя Всецерковного православного молодёжного движения, где он описывал положение дел следующим образом:

Ныне в стенах древней обители располагается музей, экспозиции которого свидетельствуют о полном нежелании руководства этого учреждения уважать

¹⁶ Письмо от 03.07.1992 // Архив Центра Б.Н. Ельцина. Документы канцелярии Президента РФ из Архива Президента Российской Федерации. Копии (1991-2001). Ф. 7. Оп. 1. Д. 126. Л. 160.

¹⁷ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). – М., 1995. – 130 с. – С. 57, 63.

¹⁸ Полностью эту захватывающую историю можно прочитать здесь: Архив Центра Б.Н. Ельцина. Документы канцелярии Президента РФ из Архива Президента Российской Федерации. Копии (1991-2001). Ф.7. Оп. 1. Д. 243. Л. 34-52.

религиозные чувства верующих, вообще следить за происходящими в нашей стране изменениями. Отдел природы демонстрирует экспозицию, «доказывающую» происхождение человека от обезьяны; в храме святых мучеников Хрисанфа и Дарии выставлены пулемёты и винтовки; главная святыня обители – Свято-Троицкий собор – осквернена громоздкими отопительно-вентиляционными устройствами, поставленными в алтаре на месте двух престолов и жертвенника.

В сентябре этого же года на тот же адрес пришло письмо от главы Российского Императорского Дома великой княгини Марии Владимировны – о том, что монашеская община Ипатьевской обители не имеет места для проживания – что, конечно, интересно сочетается с выпиской из протокола заседания синода. Потом последовало ещё несколько писем – после чего был издан Указ Министерства культуры и туризма РФ от 25 декабря 1992 г. №1293-01-23 «О передаче Ипатьевского монастыря Костромской епархии», где церкви было отказано в совместном использовании Ипатьевского монастыря, потому что нет помещения, где можно было бы разместить музей (не менее 20 тысяч кв.м), затраты же на строительство нового здания оценены в 950-960 млн рублей, а «в бюджете области средств не имеется». После ещё нескольких писем вмешался президент, и в марте 1993 года вышел указ «О совместном использовании Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря Костромским историко-архитектурным музеем-заповедником и РПЦ», где повторены формулировки предыдущего приказа, но теперь это названо совместным использованием, а монашеской общине снова было отказано в том, чтобы вселиться в монастырь. Впрочем, этого отказа хватило ненадолго: монахи вскоре все-таки туда вернулись. В 2003 году президент России В.В. Путин отдал распоряжение полностью передать монастырь церкви. В 2004 году это поручение было исполнено, музей из монастыря был выселен, а в монастыре был создан собственный Церковный Историко-археологический музей Костромской епархии.

В завершение этой масштабной темы стоит сказать, что сами религиозные объединения тоже находились в конфронтации друг с другом. Например, Владимиро-Суздальский музей-заповедник¹⁹ оказался в парадоксальной ситуации, когда на здания и имущество претендовали *три* религиозных объединения: РПЦ, Русская зарубежная церковь и старообрядческая церковь. Первоначальный объем и состояние реституций не удовлетворил духовенство РПЦ, хотя музей передал церкви Воскресенскую, Петропавловскую и отреставрированную Знаменскую церковь, надвратную церковь и келью Покровского монастыря, иконы, детали иконостасов, напольные подсвечники, колокола, лампы и т.д., а РПЦЗ – Кресто-

¹⁹ Аксенова А.И. Суздаль. XX век. Из истории города-музея и музея-заповедника. – Владимир, 2004. – 208 с. – С. 154-157.

Никольскую, Лазаревскую, Антипьевскую, Успенскую и церковь Стефания в Кидекше. Директор музея А.И. Аксенова в печати пересказывала обвинения «зарубежного» архиепископа Валентина (Русанцова) в адрес музейщиков, которые передали церкви Кресто-Никольский храм «загаженным», и просьбу этого же иерарха «не передавать нам тряпочки, ленточки, досточки, металлолом, как имело место в 1991 г., когда Вы передавали «бесценные шедевры», которые запечатлены и хранятся на видеокассете»²⁰. В итоге в 1990-е Владимиро-Суздальский музей-заповедник передал РПЦ 15 церквей, Русской православной церкви за границей – 11, а две отдал старообрядцам. И только Ризположенская и Пятницкая церкви остались в «светском» пользовании.

Конечно, были и случаи, когда церковь и музей уживались друг с другом на территории одного памятника, как, например, в Саввино-Сторожевском монастыре в Звенигороде. Или в историко-архитектурном и художественном музее «Александровская слобода», который сначала оказался на грани выживания после конфликта с Владимиро-Суздальской епархией РПЦ и выселения из помещений, но потом Правительство РФ придало кремлевско-дворцовому комплексу статус музея-заповедника, и обе стороны пошли «на мировую» и подписали соглашение о совместном использовании памятника и ответственности за его сохранность.

10.1.3. Приватизация

Вот выдержки из статистическо-аналитического отчета о деятельности музеев, опубликованного в 1995 году, за год до появления закона «О музейном фонде...»²¹:

Отмечаются многочисленные факты наступления на музеи коммерческих структур, которые, используя несовершенство законодательства, а чаще – просто его игнорируя, вытесняют музеи из занимаемых помещений. Нередко это происходит при поддержке местных властей, рассматривающих музей как не приносящую прибыли обузу для местного бюджета...

Музеи-заповедники оказались в сложном положении: в связи с введением ограниченной частной собственности на землю в 1991 году возникла угроза потери заповедных территорий. Если прежде любое строительство в заповедных музейных зонах, а тем более изменение границ охраняемых территорий могло происходить лишь с санкции федеральных властей, то теперь правом распоряжаться землей стали обладать местные власти. Началось отчуждение музейных земель в пользу садоводов и огородников, строителей коттеджей и особняков.

²⁰ Архив Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Д. 3272. Л. 126.

²¹ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). М., 1995. С. 4-17.

Ситуация усугублялась «потворством самозахвату со стороны местных властей»²². К примеру, на территории Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» велись торфоразработки, в «Ясной Поляне» началось коттеджное строительство и самовольная вырубка леса, а в «Царицыно» размещалось около 60 посторонних организаций, в основном -- склады и магазины. В некоторых случаях ситуацию усугубляло то, что музеи находились на балансе ведомств, не имеющих отношение к культуре. Так, переданный на баланс Министерству обороны Музей «Архангельское» сдавался в аренду коммерческим структурам, а на территории усадьбы готовилась разбивка футбольного поля ЦСКА²³.

Над усадьбами, не имеющими музейного статуса, нависла угроза полного уничтожения. Территории многих усадеб, обветшавших еще в советское время, в 1990-е годы были застроены частными домами, а сами усадебные постройки зачастую растаскивались на строительные материалы. Могло быть и так: усадьба, расположенная в черте города, передавалась в частную собственность и затем разбиралась, хотя официально эти мероприятия назывались «реконструкцией»²⁴. Реагируя на эти и другие факты разрушения немусеефицированных усадеб, представители общественности выступали за создание новых комплексных музеев – дворянских усадеб.

Из-за непонимания того, как действовать в подобных ситуациях, будущая приватизация музея всякий раз воспринималась в профессиональной среде как катастрофа. Поскольку решение о приватизации таких объектов принимали местные органы власти, музейные сотрудники опасались, что те «могут так приватизировать музей, что в руках новых хозяев он станет учреждением, не имеющим отношения к культуре»²⁵. Согласно проекту «Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий Российской Федерации» в состав имущества могли быть включены движимые и недвижимые объекты исторического и культурного наследия, поставленные на государственный учет, в том числе фонды, помещения и здания музеев. Исключение составили только музеи, более чем на 50% финансируемые из федерального бюджета. Но подавляющее большинство музеев получало средства федерального бюджета только на зарплату сотрудникам и оплату коммунальных услуг, что составляло меньше половины музейного бюджета. Таким образом,

²² Там же.

²³ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). – М., 1995. – 130 с. – С. 70-95.

²⁴ Примером этой распространенной, в особенности, для Москвы практики может послужить передача усадьбы купца Тарасова компании «Монолит» в 1994 году. В условия охранно-арендного договора между московским правительством и «Монолитом» входило осуществление реставрационных работ, однако через полтора года Юрий Лужков разрешил полностью разобрать здание. На его месте был построен бизнес-центр «Радонежский». См.: Ежедневная деловая газета РБК. 2013. 15 июля. № 124 (1657). С. 3.

²⁵ Там же.

теоретически любой музей мог быть приватизирован -- при отсутствии у федеральных властей средств на его финансирование.

Не редкостью были управленческие конфликты, когда местные или областные решения противоречили федеральному законодательству: так, Рязанская областная администрация приняла решение о приватизации музейных объектов, причем в список были включены Рязанский Кремль и Рязанский областной художественный музей²⁶; впрочем, оба эти объекта остались в государственной собственности. Другой пример: в 1991 году Правительство РФ выпустило постановление о закреплении за Саратовским государственным художественным музеем нового помещения – основного корпуса Поволжского кадрового центра, потому что в прежнем он страдал от тесноты, не имея возможности показать более 7-8% своей коллекции. Поволжский кадровый центр проигнорировал это постановление, невзирая на ходатайство Саратовской областной прокуратуры и решение Государственного арбитражного суда, и только после вмешательства главы Правительства В.С. Черномырдина в 1994 году освободил помещения²⁷.

Более крупные музеи могли дожидаться хэппи-энда после судебной тяжбы, без вмешательства столь высокого начальства. Так, во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике в Архиерейском доме с 1969 года в нижней палате работал ресторан «Трапезная». В постсоветское время это муниципальное предприятие было сдано в аренду. При этом не были оговорены даже особые условия аренды, хотя в этом же здании хранились ценности и экспонировались иконы, а сами палаты находились под охраной ЮНЕСКО. Предприятие функционировало с нарушениями, но, по словам директора музея А.И. Аксеновой, жалобы к властям не давали результата. В конце концов в декабре 1995 года музей выиграл судебный процесс, и ТОО было обязано выехать и выплатить долг по аренде. Впрочем, счет ТОО оказался пустым, а его хозяевами оказались подставные лица²⁸.

Другая история – о приватизации Зачатьевской трапезной церкви 1551 года в Покровском монастыре (Суздаль), являющейся памятником ЮНЕСКО: Госкомимущества области приватизировал ее с помощью манипуляций с балансовой стоимостью в тот момент, когда государственный туристический комплекс преобразовывался в ОАО «Турцентр». Суздальский городской совет поднимал вопрос о застройке земли в Спасо-Евфимиевском монастыре жилыми домами, но музей-заповедник опротестовал это решение через Комиссию областного Совета по вопросам законности, правопорядка и социальной справедливости.

²⁶ Дмитриенко П. Приватизация Рязанского кремля // Российские вести. 1994. 14 мая. Цит. по: Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). М., 1995. С. 80.

²⁷ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). – М., 1995. – 130 с. – С. 81.

²⁸ Аксенова А.И. Суздаль. XX век. Из истории города-музея и музея-заповедника. Владимир, 2004.

Показательно письмо академика, председателя Российского международного фонда культуры Д.С. Лихачёва к Б.Н. Ельцину, где он рассказывает о чиновничьем произволе: мемориальный музей А.Н. Скрябина в Москве оказался под угрозой закрытия, так как чиновники не заключают договор аренды зданий музея и назначают «фантастическую аренду (несколько миллионов за месяц), угрожая поставить его здание на аукционную распродажу». Своё письмо Лихачёв продолжает горькими словами о «безответственной политике» местных и центральных властей по отношению к музеям, о некомпетентности людей, сочиняющих законы, о сокращении числа музеев: «Такого разгула беззакония по отношению к музеям, такой незащищённости они не испытывали никогда, даже в самые худшие времена»²⁹.

В июле 1992 года было опубликовано открытое письмо Б.Н. Ельцину, в котором деятели культуры просят «остановить разгул беззакония и произвола, которые совершаются по вине местных и центральных властей, распоряжающихся общенародным национальным достоянием по своим конъюнктурным соображениям»: «Музеи и реставрационные мастерские выбрасываются на улицу, коллекции музеев складываются и становятся недоступными для обозрения и исследования, здания музеев оказываются в списках на распродажу с аукционов...»³⁰.

Для решения такого рода конфликтов в 1996 году, как уже сказано, был принят Закон «О музейном фонде» (см. раздел 2.1), однако в условиях тотальной коррумпированности власти, истории про исчезновение памятников вследствие недобросовестности владельцев или арендаторов происходили на всем протяжении 1990-х годов.

10.1.4. Кризис ресурсной базы музеев

В летописи Пятигорского краеведческого музея указаны красноречивые цифры о количестве посетителей: в 1989 году музей посетили 115396 человек, было проведено 2127 экскурсий. В 1990 году (важно: еще до распада СССР!) количество посетителей – 42824, то есть посещаемость упала на 63%, количество экскурсий -- на 42%, количество выставок сократилось с 11 до 5. Количество посетителей не вернулось к показателям 1989-го года до 2000-х. В 1999 году было зафиксировано 98194 посещения³¹. Статистика Центрального района

²⁹ Письмо №01/416 от 25.05.1992. // Документы канцелярии Президента РФ из Архива Президента Российской Федерации. Копии» (1991-2001). Ф. 7. Оп. 1. Д. 126. Л. 5-8.

³⁰ Письмо от 03.07.1992 // Документы канцелярии Президента РФ из Архива Президента Российской Федерации. Копии» (1991-2001). Ф. 7. Оп. 1. Д. 126. Л. 159-164.

³¹ Багдасарян А.А., Краснокутская Л.И. Летопись Пятигорского краеведческого музея (к 100-летию музея). Пятигорск: Вестник Кавказа, 2007.

РФ тоже была достаточно удручающей: в 1990-м году было зафиксировано 2121 посещение музеев на 1000 населения, в 1992-м году – 1493, а в 1994-м – 574³².

В этих условиях все музеи столкнулись с необходимостью модернизации экспозиций. При этом часть помещений оказалась в ситуации длительного ремонта³³ -- речь идет в том числе о таких крупных музеях, как, например, Государственный исторический музей (ГИМ), вынужденный отмечать 125 лет в условиях затянувшейся реконструкции. В своем поздравительном слове ГИМу директор Эрмитажа М. Пиотровский писал: «Сегодня Исторический Музей – наша гордость и наша боль. Страшно представить себе, что шумный торговый комплекс начнет работать рядом с закрытым Историческим музеем. Дело чести всех нас сделать так, чтобы Исторический музей принял гостей раньше магазина»³⁴. Здание вроде бы открылось после ремонта 9 сентября 1997 г., однако из 49 залов было отреставрировано только 13, и у музея тогда были очень ограниченные возможности для экспонирования³⁵.

Программа развития культуры Москвы была принята в сентябре 1993 года и предполагала, несмотря на недостаточность материально-финансовой базы, продолжать ремонт, реконструкцию и реставрацию в Государственном музее А.С. Пушкина, Музее-панораме «Бородинская битва», Государственном Дарвиновском музее, а Музее истории Москвы решено выделить новое здание³⁶. Но даже реконструкция основного здания Третьяковки, начавшаяся еще в 1986 году, несколько раз приостанавливалась из-за нехватки средств -- в итоге здание было открыто только в апреле 1995 года³⁷. А Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник не мог выставить свои уникальные коллекции из-за аварийного состояния помещений, поэтому юбилейную экспозицию он открывал в здании Центрального музея Вооруженных сил в Москве³⁸. В Кунсткамере (с 1992 года -- Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого) не было своего оборудованного фондохранилища, а администрация была вынуждена постоянно решать проблемы охраны, содержания, консервации и реставрации фондов³⁹. Мемориальная музей-квартира А. Васнецова находился в тяжелых условиях: соседние квартиры были проданы, в

³² Статистика Фонда «ИНДЕМ». Режим доступа: <https://static.history90.ru/data/CRS.Culture.xlsx>. Дата обращения: 30.08.2019.

³³ Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX-XXI веков (Труды ГИМ. Вып. 127). М., 2001. С. 7.

³⁴ Шкурко А.И. 125 лет Государственному Историческому музею // Историческому музею – 125 лет. Материалы юбилейной научной конференции (Труды ГИМ. Вып. 100) М., 1998. С. 9.

³⁵ Мальцева Н.А. Москва и Государственный исторический музей // Музей – город – регион: история и современность (по материалам конференций музейных работников, состоявшихся в гг. Москве и Орле в 1997 году). М., 1998. С. 126-134.

³⁶ Поцелуева А.И. Методика экспозиционной работы музеев (по материалам научно-практического семинара работников музеев Москвы и Московской области) // Музейное дело. История XX века в музейных экспозициях. Сб. науч. тр. М., 1995. Вып. 22. С. 199.

³⁷ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). С. 91-92.

³⁸ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). С. 70.

³⁹ Курьер Петровской Кунсткамеры. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, 1995. Вып.1.

них начался ремонт, музей пришлось временно закрыть из-за протечки стен и провала потолка, одновременно с этим были вырублены деревья в прилегающем сквере, так что из окон протекающей мемориальной квартиры Васнецова теперь открывался вид на большую помойку и захламленный пустырь⁴⁰.

Таким образом, часть музейных экспозиций была фактически парализована ремонтными работами. Но статистико-аналитический отчет за 1995 год сообщает, что еще 37,5% помещений музеев по всей стране требуют капитального ремонта, а «площадь музейных хранилищ многих музеев не соответствует объему фондов, вследствие чего возникает угроза порчи и даже гибели музейных собраний»⁴¹. В Московской области, например, из 57 музеев (самый большой показатель по регионам после Москвы, где насчитывалось 73 музея) 46% зданий требовали капитального ремонта.

В этой ситуации сотрудники музеев были вынуждены искать постоянные источники доходов: состояние фондов и их помещений, реставрация экспонатов, оплата труда сотрудников – все это требовало денег⁴². Музей революции (Государственный центральный музей современной истории России) организовал в 1997 году две конференции, на которых рефреном звучало, что проблемы с помещениями и финансированием мешают создавать выставки, соответствующие требованиям времени⁴³ – с привлекательным экспозиционным дизайном, выстроенной драматургией, новейшим музейным оборудованием⁴⁴. Например, в связи с открытием границ в Орловский краеведческий музей поступили материалы старых орловских дворянских родов, но средств на то, чтобы их экспонировать, не было. Музей хотел обновить экспозицию с 1980-х годов, готовил проекты выставок, но они были заморожены из-за недостатка финансирования. Тем не менее в 1997 году директор музея В.В. Титова докладывает, что музей смог открыть новую выставку: «...мы же строили наши шесть залов на скудные средства, собственными усилиями и на старом оборудовании»⁴⁵. Намеченная в 1986 году реконструкция Рыбинского музея на протяжении всего периода «перестройки» откладывалась; в здании начала течь крыша, из-за проблем с фундаментом пришли в негодность полы, на стенах появилась трещины и плесень. В условиях, когда музею не на что было заказать афиши выставок, тем более – сделать новые экспозиции или повысить зарплаты в связи с инфляцией, -- о проведении ремонта речь уже не шла. Пришлось сокращать штат и отказываться от церковных зданий, которые музей все равно не мог содержать. Проблема с

⁴⁰ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). С. 70-95.

⁴¹ Там же. С. 15.

⁴² Альмеев Р.В. Музей-заповедник и новые условия хозяйствования. // Музееведение. На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. М., 1991. С. 104-105.

⁴³ См. публикацию текстов на основе докладов: Музей – город – регион: история и современность (по материалам конференций музейных работников, состоявшихся в гг. Москве и Орле в 1997 году). М., 1998.

⁴⁴ См., например: Музейная экспозиция. На пути к музею XXI века. Сборник научных трудов. М., 1997.

⁴⁵ Титова В.В. Музей и власть // Музей – город – регион: история и современность. С. 35-47.

помещением решилась только тогда, когда в 1992 году глава города предложил музею занять здание Новой биржи, которую раньше собирались сделать новым речным вокзалом, но из-за недостатка финансирования на реконструкцию и спада туристического потока планы пришлось отменить. На переезд музею дали всего полгода⁴⁶.

10.1.5. Кражи из музеев

Из общего количества зарегистрированных на 1995 год экспонатов 13,9% (5 млн. 475 тыс.) нуждались в реставрации, в основном они относились к археологическим и этнографическим коллекциям. При этом количество экспонатов, отреставрированных в 1994 году, было невелико: в целом по России 65 тыс. предметов, то есть 0,2% общего объема музейных фондов⁴⁷. Процесс научной инвентаризации проходил неравномерно по регионам и медленно, как и процесс реставрации: не хватало средств и квалифицированных сотрудников.

Остро стояла проблема охраны музейных фондов. 75% зарегистрированных краж происходило из частных художественных собраний, но число хищений из государственных музеев в первой половине 1990-х возрастало. «В среднем по России ежемесячно обворовывается один музей»⁴⁸ – подводят неутешительный итог авторы статистико-аналитического обзора музейной деятельности за 1995 год. Лишь 34% российских музеев были обеспечены сигнализацией, у остальных не было на это средств. «Подразделения МВД, ответственные за охрану музеев, [были] не заинтересованы в установке в музеях надежных охранных систем», но и не хотели «терять монопольного права на оборудование музеев средствами сигнализации», разделяя его с частными охранными предприятиями⁴⁹. Из церкви Николы Надеина в Ярославле (памятник XVII века) в начале 1995 года были похищены четыре иконы, по предварительной оценке, стоимостью в 3 400 000 долларов, при этом грабители ничем не рисковали, потому что у Ярославского ИАМЗ не хватало средств на охрannую сигнализацию.

Некоторые кражи осуществлялись даже «по наводке» музейных работников, которые подменяли подлинники копиями, списывали экспонаты, якобы пришедшие в негодность, а другие -- скрывали от инвентаризации или скрывали сам факт пропажи. «Комиссия Министерства культуры РФ, проведя полную сверку музейных коллекций, обнаружила, что 58 тыс. экспонатов исчезло неизвестно куда. Поскольку более половины экспонатов не прошло научной инвентаризации, их принадлежность тому или иному музею определить

⁴⁶ Овсянников С.Н. Рыбинский музей-заповедник на рубеже столетий // Страницы истории Рыбинского музея. Рыбинск: Изд-во ОАО «Рыбинский Дом печати», 2010. С. 104-112.

⁴⁷ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). С. 18--19.

⁴⁸ Там же. С. 23.

⁴⁹ Там же. С. 68.

практически невозможно»⁵⁰. Например, в Серпуховском историко-художественном музее, где были совершены пять крупных краж, выяснилось, что причастен к этим ограблениям был сам директор, сдавший в аренду хранилище икон коммерческой структуре и назначив ее руководителя директором по безопасности музея.

Для защиты музейных фондов была разработана информационно-поисковая система «Антиквариат», на учете которой на 1994 год было всего около 10 тысяч предметов.

10.1.6. Утрата фондов

В связи с распадом СССР местные музеи в новых независимых государствах были переподчинены. Их коллекции остались в республиканском ведении. Среди общих тенденций, характерных для бывших советских республик, помимо России, можно назвать закрытие музеев, посвященных советскому периоду. Иногда в отношении музеев, воспроизводивших исторические нарративы советского времени, совершались акты вандализма. Характерный пример -- музей штаба 2-го Украинского фронта в селе Малиновском в Молдове (филиал республиканского Музея боевой славы): в 1994 году в музее была снята охрана, начались нападения хулиганов, экспонаты гибли. Однако в России подобные музеи не закрывались, а перепрофилировались.

В Чеченской республике в результате военных действий во время Первой чеченской войны было разрушено здание Республиканского музея изобразительных искусств в Грозном. Добровольцы-реставраторы смогли извлечь из завалов около 500 картин из 960, но коллекция чеченского декоративно-прикладного искусства практически полностью погибла. В эпицентре сражений оказался Государственный объединенный (историко-краеведческий) музей в Грозном, где хранилось более 250 тысяч экспонатов. Здание музея было уничтожено, удалось спасти около 29 тысяч предметов. 90 % коллекции было уничтожено, часть произведений была расхищена⁵¹. С 1995 года Министерство культуры РФ выделяло средства на восстановление музеев Чечни⁵².

10.1.7. Нехватка специалистов

В 1990-е годы музеи были вынуждены сокращать свои расходы: останавливать археологические раскопки и масштабные реставрационно-консервационные работы, проводить постоянные сокращения штата музеев⁵³, хотя музейные руководители и так

⁵⁰ Там же. С. 89.

⁵¹ Рамазанова А. В Чечне приходится спасать прошлое // Кавказский узел. 2005. 21 сентября (<https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/82024/>). Дата доступа: 1.06.2021.

⁵² Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). М., 1995. С. 51.

⁵³ Например: Грынчаров М. Музейное дело в Плевене: прошлое и настоящее // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1995. С. 34.

жаловались на нехватку квалифицированного персонала⁵⁴. В 1997 году Государственный исторический музей был вынужден ликвидировать уже пять лет как закрытый филиал «Музей Декабристов», а также освободить часть арендованных помещений в Крутицком подворье, Измайлове и Ветошном проезде⁵⁵. Реставрационное дело в Суздале и Владимире «рухнуло», люди разошлись по разным организациям, а ЗАО «Суздальреставрация» распродало технику⁵⁶.

По словам Николая Георгиевича Брегмана, реставратора высшей категории, заведующего сектором ГосНИИР:

...реставраторам часто не предоставляли какую-то компенсацию в виде рабочих помещений, бюджетных средств. Поэтому шел естественный процесс. То зарплаты не было, пока Ельцин не издал указ о том, что фонд заработной платы -- это неприкосновенная позиция. Но нельзя работать, скажем, без площадей, без инструментов, без материала, без финансирования. Поэтому реставраторы, в силу того, что они еще и художники, у них часто несколько профессий, вынуждены были уходить, а уход из профессии, если человек не находит возможности работать как-то по-другому, часто и не способствовал возвращению. Вот в Белозерске одно время усилиями нашего института и мецената города – Петра Константиновича Георгиевского, крупный георгиевский администратор и партийная кандидатура, очень много сделал, он создал участок, помогал реставрационной мастерской, наш уроженец. Ну вот, когда начались реформы, участок исчез, и город фактически распадается на глазах: уходит древний город, и никто из бывших реставраторов, [ныне] живущих, не хочет возвращаться к профессии⁵⁷.

Похожую ситуацию описывает Лариса Александровна Петровская, заведующая отделом учета и охраны объектов культурного и природного наследия ФГУ «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник»:

Реставрационная деятельность тогда существовала практически отдельно от музея. Музей отдельно, реставрация отдельно, и многие тогда понимали, что это не совсем правильная ситуация. И когда к 88—89-му году начались государственные реформы, в недрах Министерства культуры наконец вызрела мысль, что многие управленческие функции надо максимально приблизить к Соловкам, в том числе функции заказчика реставрационных работ передать музею. И соответствующие распоряжения были по этому поводу сделаны.

И вот, скажем, с конца 80-х и где-то до середины 90-х годов была очень сложная ситуация [...] В этот период Соловки очень многие

⁵⁴ Нестеренко И.М. Туризм в местах, являющихся объектами историко-культурного наследия республики Татарстан // Зеленодольский регион: проблемы истории и культуры. Восток-Запад: диалог культур Евразии. Под ред. Бурханова А.А. Казань, 2003. Вып. 3. С. 331-332.

⁵⁵ Шкурко А.И. 125 лет Государственному Историческому музею. // Историческому музею – 125 лет. Материалы юбилейной научной конференции. Труды ГИМ. М., 1998. Вып. 100. С. 21. Правда, московский «Музей Декабристов» не имел собственных фондов, «используя на правах филиала материалы ГИМа для устройства выставок» (<http://www.moscowmsk.ru/historymoscow/201303.html#.X84-BukzbGI>).

⁵⁶ Аксенова А.И. Суздаль. XX век. Из истории города-музея и музея-заповедника. – Владимир, 2004. – 208 с. – С. 169.

⁵⁷ Интервью из проекта «Народный архив» (руководитель – В.В. Глебкин), не опубликовано.

покинули. В службе заказчика оказалось два-три человека, которые тянули на себе всю работу. И, конечно, если бы не кооператив «Палата», который в те годы принял на себя производство реставрационных работ, создал для этого коллектив специалистов, производственную базу, сохранил студенческий строительный отряд МГУ, проще говоря -- спас дело реставрации на Соловках в невыносимых условиях, ничего бы и не состоялось -- просто всё бы рухнуло. Потому что, если нет реального производителя работ, то имей деньги, имей функции -- ничего бы не получилось⁵⁸.

10.1.8. Условия работы сотрудников

Условия работы музейных сотрудников в 1990-е годы можно описать на материале довольно типичного для европейской части России Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Поскольку в 1992 году поток туристов оказался в три раза меньше, чем все пять лет до этого, а количество экскурсий упало с 39 тысяч до 8 тысяч⁵⁹, музею пришлось для сокращения расходов уволить 30 сотрудников. Как отмечает директор А.И. Аксенова, бюджетного финансирования хватало только на зарплату и две трети коммунальных услуг: «Чтобы расплатиться за электроэнергию, канализацию, охрану, надо было доплачивать из зарабатываемых средств. На ремонт – из бюджета ни рубля». Памятники находились в плачевном состоянии: шла деформация сводов и стен Архиерейских палат, было зафиксировано аварийное состояние Рождественского собора, кремлевская колокольня находилась под угрозой обрушения, а тесовые крыши в Спасо-Евфимиевском монастыре сгнили.

Условия работы музейных сотрудников были удручающими. «В музее-заповеднике одновременно необходимо почти четыре тысячи электролампочек, [а] могли достать меньше тысячи в год! Те, что [мы] получали из Армении, перегорали через месяц». Зимой температура в музейных помещениях не поднималась выше 8 градусов -- из-за проблем с котельной -- вплоть до 1999 года. Хозяйственные проблемы стали решаться только после приезда премьер-министра В.С. Черномырдина в Суздаль в 1997 году, когда музей был включен в «Список особо ценных объектов культурного наследия России», -- это означало финансирование из федерального бюджета. Тогда же чиновники стали решать вопросы с Рождественским собором, Архиерейскими палатами, кремлевским ансамблем, Спасо-Евфимиевским монастырем⁶⁰.

Проблемы с коммунальными услугами возникали в музеях повсеместно. По словам уже упомянутой Л.А. Петровской, работавшей на Соловках,

⁵⁸ 40 лет Соловецкому музею-заповеднику: сотрудники вспоминают // Соловецкий музей. Вестник. 2007. № 8 (24 сентября). Режим доступа: <http://arhpress.ru/solovki/2007/9/24/2.shtml>. Дата обращения: 30.08.2019.

⁵⁹ Поток стал расти к концу 1990-х: в 1998 году стало на 93 тысячи больше туристов, чем в предыдущем году, в 1999-м -- ещё на 100 тысяч больше.

⁶⁰ Аксенова А.И. Суздаль. XX век. Из истории города-музея и музея-заповедника. С. 164-171.

...[м]узей отключили от электричества, не было денег ни на что на свете. Сидели в темноте со свечками, с дымищими печами, на которые вечно не хватало дров, и это продолжалось не один год.

Среди забавных ситуаций, которых всегда хватает, можно вспомнить такую. Случайно оказался не отключенным один столб ЛЭП. Совершенно случайно мы это обнаружили, и, грешным делом, этим воспользовались, подключив компьютер (через счетчик -- для спокойствия контролирующих органов). Тогда был единственный живой компьютер в музее, в отделе архитектуры, мы честно больше ни для чего этим электричеством не пользовались. Нужно было готовить массу документации, и работы не останавливались, шли, и в общем-то этот компьютер нас тогда спас.

А забавное в этой ситуации было то, что когда приходил народ в наш кабинет, видели, что все сидят за своими рабочими местами, у каждого по свечке и: работает компьютер. И тут нужно было видеть лица посетителей, особенно городских, которые очень медленно въезжали в эту ситуацию, сопоставляли в сознании свечки и действующий компьютер⁶¹.

Борис Николаевич Орунов, главный механик ФГУ «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник», вспоминает о другой «низовой инициативе»:

В 96-м году задолженность по зарплате у областного бюджета доходила до 6 месяцев, а из Комитета культуры только приходили распоряжения -- уволить 17 человек, 20 человек – вот такие цифры.

...[М]ы летом с помощью туристов и техники сами старались погашать долги по зарплате. Закупали в Кеми бочки с топливом, на «Печак»⁶² привозили сюда. Починили 2 заброшенных автобуса, стали возить на них туристов, а «Печак» тоже возил группы. Самое интересное было, когда «Печак» приходил с рейса, и вот вся эта команда у тебя строилась в очередь, а ты им зарплату выдаёшь. Главный бухгалтер приходит ко мне, говорит, «Сколько денег надо?» А я говорю: «Разделим на всех одинаково, что дворнику, что директору». Вот у нас как община такая была⁶³.

При этом музейные сотрудники не были избавлены от общественных работ, которыми их нагружали местные власти. Так, в мае 1994 года сотрудники Пятигорского краеведческого музея заготовили 2,3 тонн сена для колхоза им. Ленина поселка Горячеводский -- по распоряжению Пятигорского горсовета⁶⁴.

10.1.9. Поиск внебюджетного финансирования

В 1995 году М.Б. Гнедовский выпустил в журнале «Мир музея» статью «Что такое музейный маркетинг?», в которой полемизировал с устоявшимся представлением о том, что музей не должен вести экономическую деятельность, и подчеркивал, что определение музея

⁶¹ 40 лет Соловецкому музею-заповеднику: сотрудники вспоминают...

⁶² Небольшой катер, курсировавший между Соловецким архипелагом и «материком», названный в честь мыса Печак, расположенного недалеко от Соловецкого кремля.

⁶³ 40 лет Соловецкому музею-заповеднику: сотрудники вспоминают...

⁶⁴ Багдасарян А.А., Краснокутская Л.И. Летопись Пятигорского краеведческого музея (к 100-летию музея). Пятигорск: Вестник Кавказа, 2007. С. 131.

как «некоммерческой» организации означает не запрет на получение доходов, а обязательство потратить заработанные деньги на развитие музейной деятельности. Для середины 1990-х годов эта полемика была характерной⁶⁵. Существовало две крайние позиции: или государство должно полностью финансировать музей, или он должен полностью обеспечивать себя сам. Гнедовский называет «здоровым и правильным развитием организма» музея ситуацию, при которой музей получает государственные средства, спонсорские пожертвования и доходы от собственной деятельности в равном количестве, приводя при этом в пример США и подчеркивая, что «...сегодня освоение маркетинговых технологий является для многих музеев вопросом выживания», но при этом не следует забывать, что поддержание правильного музейного имиджа гораздо важнее сиюминутного дохода⁶⁶.

Конечно, отдельные музеи пытались найти постоянные источники доходов: меценатство, социально-творческие заказы, отчисления от услуг, оказываемых бытовыми, торговыми и туристическими организациями, платные услуги и т.п., но специалистов по фандрайзингу и маркетингу в бывших советских музеях, как легко можно предположить, не было. Удивительной изобретательностью, по мнению авторов статистико-аналитического отчета за 1995 год, обладал директор Изборского музея Л.Н. Панов, который стал инициатором успешной коммерческой деятельности музея⁶⁷. Однако сегодня его проект уже не кажется столь выдающимся: он организовал платные экскурсии, продажу сувениров и сельскохозяйственную деятельность на заповедной территории, при этом в планах была организация ремесленного производства, продажи минеральной воды Изборских источников и торговли на Ярмарочной площади города.

В новых рыночных условиях централизованная закупка произведений искусства по заказам музеев, которую осуществляла Государственная экспертная комиссия Министерства культуры РФ, не могла покрыть всех нужд. Поэтому музейные работники возлагали основные свои надежды на меценатскую помощь. Основания у них для этого были. В 1992 году в честь 130-летия со дня рождения Саввы Морозова ряд российских банков совместно с Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и русским ПЕН-центром создали общество «Меценат» для поддержки отечественной культуры, в частности для помощи музеям в формировании художественных коллекций⁶⁸.

ГИМ воссоздал «Общество друзей Исторического музея»: в конце XIX – начале XX века Совет музея объединял коллекционеров и меценатов, оказывавших помощь музею. Но в

⁶⁵ См., например: Альмеев Р.В. Музей-заповедник и новые условия хозяйствования // Музееведение. На пути к музею XXI века: Музей-заповедники. М., 1991. С. 104-105.

⁶⁶ Гнедовский М.Б. Что такое музейный маркетинг? // Мир музея. 1995. Вып. 4 (144). С. 18-20.

⁶⁷ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). С. 78.

⁶⁸ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). – М., 1995. – 130 с. – С. 22.

большей степени возрождение «Общества» имело не столько финансовое, сколько культурное значение, потому что свидетельствовало об ориентации крупнейшего исторического музея страны на восстановление дореволюционных форм работы таких организаций.

Некоторые музеи пользовались поддержкой появившихся независимых фондов, как отечественных, так и иностранных. Например, для создания музея и общественного центра имени Андрея Сахарова, главной целью которого являлось сохранение памяти о жертвах тоталитарного режима, содействие развитию в России гражданского общества и защита прав человека, финансовые средства предоставили правительство Москвы, Американское агентство международного развития, Национальный фонд развития демократии (США) при посредстве юридического консорциума АРД/Чекки и Дома Свободы (Freedom House, США), Фонд Макартуров (США) при посредстве Университета Брандейс (США), Фонд Сороса (США) и частные лица -- Аллан Вин (Великобритания) и Елена Боннэр (Россия)⁶⁹.

Среди иностранных фондов, поддерживавших российскую культуру и науку, стоит, в первую очередь, отметить деятельность Фонда Джорджа Сороса. С 1988 года он предоставлял гранты многим музеям, выставочным и информационно-образовательным проектам. Он учредил Центр современного искусства Сороса в Москве (1992--2000), финансировал создание галереи современного искусства в Великом Новгороде, краеведческого музея д. Коростынь, который станет информационным и культурно-историческим центром деревни, Музея колоколов в г. Валдае (1995). Грантами фонда были поддержаны выставки «Новый (чело)век. Новый город» (1998) и «История жизни и судьбы» (2002) в Рыбинском музее-заповеднике, а также работа над электронной музейной базой⁷⁰ -- равно как и множество других подобных проектов по всей России.

Важную роль в трансформации отечественной культуры и, в частности, музеев 1990-х годов сыграли представители российской диаспоры и иностранные любители российской культуры. По инициативе Александра Глезера, -- поэта, публициста и коллекционера неофициального искусства, эмигрировавшего из СССР в 1975 году -- были основаны Центры современного русского искусства в Москве, Владивостоке и Нижнем Новгороде⁷¹. Свои коллекции передали в крупные музеи эмигрировавший в советское время Семен Папков и родившийся в США в семье эмигрантов Никита Лобанов-Ростовский (Отдел личных коллекций, ГМИИ им. Пушкина). Стоит вспомнить и о крупном даре немецких

⁶⁹ Мир, прогресс, права человека. Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова. М., 1998. В 2015 году постановлением Государственной думы РФ фонд «Дом свободы», Фонд Макартуров и Фонд Сороса (Фонд «Открытое общество») признаны нежелательными организациями в России.

⁷⁰ Овсянников С.Н. Рыбинский музей-заповедник на рубеже столетий. // Страницы истории Рыбинского музея. – Рыбинск: Изд-во ОАО «Рыбинский Дом печати», 2010. С. 128.

⁷¹ Во Владивостоке соучредителями Центра стали местное телевидение, краевая филармония, Центр современной культуры «Париж – Москва – Нью-Йорк» и местные банки. См.: Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). С. 53.

коллекционеров Петера и Ирэн Людвиг, поступившем в 1995 и 1998 годах в Русский музей – супружеская чета передала ему часть своего собрания современного искусства.

Музеи искали новые формы взаимодействия с аудиторией, чтобы пополнять фонды без привлечения финансирования. Сегодня можно было бы сказать, что они изобретали различные формы краудфандинга с целью пополнения коллекций. Так, Государственный объединенный музей Республики Татарстан ежегодно с 1 по 6 июня проводил «дни дарения», призывая граждан и властные структуры помогать пополнению его коллекций. Когда в Уссурийске руководство города приняло решение о создании музея в здании бывшей церковно-приходской школы, «экспонаты для музея собирали всем городом»⁷². Орловский краеведческий музей старался привлечь к своей работе «как можно больше» ветеранов, чтобы они передали свои самые ценные материалы на выставку⁷³.

Создание на базе музея культурного центра для всего города было одним из популярных способов привлечения новой аудитории. Например, на конференции музейных работников 1997 года своим опытом делился Национальный музей республики Коми: он организовывал свадьбы в музее, предоставлял помещения для праздников землячеств немцев, украинцев, татар, а также открыл студию эстетического воспитания и этнографическую студию с курсами по прикладным искусствам. Сотрудники даже организовали в музее летний лагерь⁷⁴. В музее «Кунцево» проводились «Дни выходного дня» для людей с инвалидностью, на эти дни приглашались представители различных торговых фирм с дешевым товаром⁷⁵.

Но в основном план платных услуг музеи выполняли за счет сдачи помещений в субаренду, печатной продукции и изготовления сувениров⁷⁶. Особо успешным в опыте сдачи помещений в аренду можно назвать Центральный дом художника в Москве, который в 1990-е годы стал работать в условиях полной экономической независимости и от государства, и от Конфедерации союзов художников СНГ. При этом культурное значение ЦДХ возросло после того, как Центральный выставочный зал «Манеж» на два года (май 1993 – октябрь 1995) превратился в гараж для автомобильных образцов концерна «Логоваз», а представитель «Логоваза» стал его директором⁷⁷.

⁷² Баранова О. История музейного дела города Уссурийска. // Дальняя Россия. Приморский краеведческий альманах / Гл. ред. В.И. Тарасов. Вып. II. Владивосток: ДФУ, 2015. С. 64--71.

⁷³ Титова В.В. Музей и власть // Музей – город – регион: история и современность. С. 35-47.

⁷⁴ Ларукова Л.И. Национальный музей республики Коми как культурный центр // Музей – город – регион: история и современность. С. 146-150.

⁷⁵ Кутя В.В. Взрослый в музее «Кунцево» // Ориентиры культурной политики (культурно-образовательная деятельность музеев). М.: Министерство культуры РФ, Главный информационно-вычислительный центр, 1997. Вып. 4. С. 118-122.

⁷⁶ Кузьмин А.И. Борьба за посетителя // Музей – город – регион: история и современность. С. 174-177.

⁷⁷ Там же. С. 91-92.

Музеи старались активно сотрудничать с образовательными организациями, проводя совместные мероприятия – так у них появлялась возможность использовать дополнительные бюджетные средства. Например, Государственный исторический музей вел программы и викторины в массмедиа. Телепередачу Рязанского музея-заповедника «Музейная кладовая» учителя истории записывали на видеокассеты для уроков⁷⁸.

Чтобы привлечь посетителей в музей, сотрудники изобретали различные формы событийного туризма. Помимо организации праздников⁷⁹ это были привозные выставки. Главный краеведческий музей Ставрополя выставлял «восковые фигуры из Санкт-Петербурга и других городов России, и живые рептилии, и яркие тропические бабочки, и совсем не научные, но очень привлекательные самоцветы и ювелирные изделия, которые посетители могли тут же приобрести». Музей гордился своей «стратегической хитростью»: по уверению руководства этого учреждения, посетитель покупал билет на броскую привозную выставку (якобы «не несущую почти никакой духовной нагрузки»⁸⁰), а оказавшись в музее, вынужден был осмотреть и постоянную экспозицию. Показательна лексика, с помощью которой описывается эта «охота» на посетителя: «брошена приманка» (выставка), посетители на нее «клюют».

Чтобы не потерять посетителей Рыбинского музея, близкого к закрытию из-за состояния здания, в нем были созданы небольшие «многопрофильные» экспозиции, позволявшие водить экскурсии сразу по нескольким темам. «В учебном классе, организованном сотрудниками во главе с Т.А. Галяткиной на месте бывшего гардероба, экспонаты доставались из сундуков, а за занавесками прятались чучела животных»⁸¹. Музей проводил выездные занятия в клубах, детских лагерях, школах. «Десант» из 4-5 сотрудников периодически отправлялся в школы крупных фабричных поселков на музейном автобусе.

Музеи не получали дополнительных доходов от иностранного туризма – не была налажена система отчислений от турфирм и экскурсионных бюро. О том, что это необходимо, говорил еще Д.С. Лихачев на первом Съезде народных депутатов СССР 30 мая 1989 года⁸², критикуя «остаточный принцип» финансирования культуры, низкий уровень зарплат у музейных, библиотечных работников, реставраторов -- и разросшийся административный

⁷⁸ Максаков А.Н. Новые формы работы Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. С. 150-157.

⁷⁹ См., например: Коссова И.М. Музей и образование взрослых. // Ориентиры культурной политики (культурно-образовательная деятельность музеев). М.: Министерство культуры РФ, Главный информационно-вычислительный центр, 1997. Вып. 4; Сухова Н.А. К вопросу об образовательной концепции историко-этнографического заповедника «Шушенское» // Там же.

⁸⁰ Селунская И. Ставропольский государственный музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Роман о музее. Пятигорск: Вестник Кавказа, 2005. С. 93.

⁸¹ Овсянников С.Н. Рыбинский музей-заповедник на рубеже столетий // Страницы истории Рыбинского музея. – Рыбинск: Изд-во ОАО «Рыбинский Дом печати», 2010. С. 107.

⁸² Музейное дело в СССР. Пути повышения эффективности музейной деятельности. Научные труды. М., 1990, Вып. 20. С. 5.

аппарат учреждений культуры и министерств. В 1995 году об этом же говорил Ю.С. Егоров, начальник сектора музеев Комитета по культуре Правительства Москвы, на конференции в Музее революции⁸³. Но ситуация не менялась, а ведь, например, более 70% аудитории крупнейших музеев Москвы составлял внутренний и иностранный туризм, а доля москвичей в структуре аудитории по сравнению с 1980-ми сократилась⁸⁴.

10.2. Музейная сеть

Основу музейной сети (90%) составляли региональные музеи, расположенные в поселениях с численностью населения не более 100 тыс. человек. Музеи было принято делить на девять групп: исторические, художественные, искусствоведческие, литературные, архитектурные, естественнонаучные, технические, отраслевые и комплексного профиля. Половину сети составляли музеи комплексного профиля (на 86% это краеведческие музеи), 20% исторических, 14,6% художественных, 9,4% литературных⁸⁵. Распределение музеев по регионам было (и остается) неравномерным. Наибольшее число приходилось на Москву и Московскую область, наименьшее – на Ингушетию (образованную в 1992 году) и Еврейскую автономную область. Более половины музеев искусств были сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге. Всего на 1994 г. было зарегистрировано 1602 музейных учреждения⁸⁶.

После появления закона муниципальной собственности во второй половине 1990-х годов складывается сеть *муниципальных музеев*, многие из них создаются на основе общественных и региональных музеев. Возникают и новые музеи (часто – при активном участии общественности) в населенных пунктах, где до этого таких учреждений не было⁸⁷.

В 1990-е годы резко снизилось количество *общественных музеев* – в силу ряда причин, о которых будет сказано в этой главе. Многие ведомственные музеи были закрыты в 1990-е годы, часть коллекций утрачена, часть – оказалась в центре трудноразрешимых правовых споров. Большая часть ведомственных музеев вошли в государственную сеть (так, только в 1994 г. в нее были включены 127 новых музеев)⁸⁸. Во время переподчинения музеев могла возникать путаница с фондами: так, музеи военно-исторического профиля испытывали трудности с формированием коллекций, поэтому оно шло по принципу «кто быстрее

⁸³ Поцелуева А.И. Методика экспозиционной работы музеев (по материалам научно-практического семинара работников музеев Москвы и Московской области) // Музейное дело. История XX века в музейных экспозициях. Сб. науч. тр. М., 1995. Вып. 22. С. 199.

⁸⁴ Шацкило Л.А. Музей в условиях мегаполиса // Музей – город – регион: история и современность. С. 23-31.

⁸⁵ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор).

⁸⁶ Музейное дело России. С. 177.

⁸⁷ Музейное дело России. С. 180.

⁸⁸ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор).

захватит», экспозиции дублировали друг друга, а для экспозиционной деятельности в итоге приходилось постоянно привлекать материалы и экспонаты из других музеев⁸⁹.

Музейный фонд РФ был разделён на государственную и негосударственную часть – это сделало возможным возникновение *частных музеев* – как правило, на основе личной коллекции. Примеры -- музей художника В. Сорокина в Ельце (1993), музей «Музыка и время» Дж. Мостославского в Ярославле (1993), Музей камня А. Маторы в селе Фершампенуаз Челябинской области (1996), музей уникальных кукол Ю. Вишневецкой в Москве (1996), музей «Невьянская икона» в Екатеринбурге (1999) и т.п. Частным музеям, включенным в состав негосударственной части Музейного фонда РФ, по закону 1996 года «О музейном фонде...» было предусмотрено предоставление налоговых льгот или оказание помощи в реставрации музейных предметов.

Стоит сказать ещё об одном важном изменении в составе музейной сети: группа *исторических музеев*, имевших ярко выраженную идеологическую направленность и репрезентировавших советские исторические нарративы (историко-революционные, историко-партийные, истории комсомола и т.п.) вошла в состав музейной сети Министерства культуры после ликвидации КПСС и ВЛКСМ, в ведении которых эти музеи находились прежде. Одновременно эти собрания были перепрофилированы в музеи политической истории XX века и общественных движений. Впрочем, многие из историко-революционных музеев⁹⁰ были ликвидированы. В аналитическом обзоре за 1995 год отмечается, что «большинство из них не имело ни научного, ни культурного значения, поскольку в их фондах отсутствовали подлинные документы <...> Неудивительно, что почти все эти музеи за годы своего существования полностью себя дискредитировали»⁹¹.

Вокруг судьбы Центрального музея В.И. Ленина, бывшего с момента основания в ведении КПСС, а с августа 1991 года ставшего объектом собственности Российской Федерации, было немало волнений: сотрудники музея, опасаясь его ликвидации, обращались в Министерство культуры СССР, ЮНЕСКО, к общественности. Экспозицию Музея было решено переместить в Музей Российских революций, но было неясно, что станет с самим музеем. Тогдашний министр культуры СССР Н.Н. Губенко обратился к Б.Н. Ельцину с просьбой провести реорганизацию музея, определив судьбу коллекции и сотрудников. Только после этого был подготовлен проект постановления «О музеях В.И. Ленина в РСФСР», где

⁸⁹ Поцелуева А.И. Методика экспозиционной работы музеев (по материалам научно-практического семинара работников музеев Москвы и Московской области). С. 202.

⁹⁰ В СССР были Центральный Музей Ленина и его 12 филиалов, музей «Кабинет и квартира Ленина в Кремле», 47 ленинских историко-революционных музеев.

⁹¹ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). – М., 1995. – 130 с. – С. 5-6.

было предложено провести инвентаризацию коллекций, принять решение о реорганизации музеев и использование их зданий для размещения учреждений культуры⁹².

Наконец, крупные российские корпорации стали проявлять интерес к созданию *коллекций искусства* – в том числе и потому, что на российском рынке предметы искусства были тогда относительно дешевыми. Самая значительная корпоративная коллекция была собрана банком «СБС-АГРО» (около 3000 полотен художников XVIII-XX веков), кроме того, крупные коллекции были у «Тверьуниверсалбанка», «Уникомбанка», «Инкомбанка»⁹³.

Большинство музеев страны в начале 1990-х годов располагались в небольших поселениях, имели краеведческую направленность, были рассчитаны на местных жителей. Ведомственные и историко-революционные музеи оказались в идеологическом кризисе и стали государственными или закрылись, при этом на волне наплыва дешёвых предметов искусства были созданы новые частные коллекции. Когда появились новые формы – муниципальная и частная, стали открываться и новые музеи, при этом значение и количество общественных музеев снизилась, они начали исчезать. Этой забытой истории и посвящен следующий раздел.

10.3. Общественные и школьные музеи: незамеченная история

В советском музееведении общественный музей – это музей, созданный и работающий на общественных началах (безвозмездно). Термин был законодательно утвержден в 1978 году Минкультуры СССР, заменив понятие «народный музей»⁹⁴. Классифицировать общественные музеи можно по трем группам: во-первых, районные, городские и сельские музеи, регулирование деятельности которых осуществляли местные органы власти; во-вторых, музеи, созданные сотрудниками предприятий, учреждений, организаций и утвержденные администрацией; в-третьих, школьные музеи, открытые решением педагогического совета по согласованию с органами народного образования. Все они регистрировались в областных управлениях культуры⁹⁵.

Настоящий всплеск развития общественных музеев приходится на 1960--1980-е годы: в середине 1980-х было учтено более 12 тысяч общественных музеев, а школьных – еще 10 тысяч. Для сравнения: государственных музеев было около двух тысяч. Удивительно, что при

⁹² Письмо №383-06-3/16 от 10.10.1991 // Архив Центра Б.Н. Ельцина. Документы канцелярии Президента РФ из Архива Президента Российской Федерации. Копии (1991-2001). Ф. 7. Оп. 1. Д. 035. Л. 156—157.

⁹³ Музейное дело России. С. 181—183.

⁹⁴ Статус «Народный музей» стал почётным в 1980 году: им награждался общественный музей за высокий уровень работы. К 1985 году таких музеев в РСФСР было 267. См. Поправко Е.А. История музейного дела в Приморском крае (1941-2000). Автореферат на соискание уч.ст.доктора ист.н. – СПб., 2007.

⁹⁵ Решетников Н.И. Музееведение: Курс лекций. Часть I. – М.: МГУКИ, 2000. – 256 с. ISBN 5-7196-0696-3. – с. 58-94.

таким численным превосходстве общественных и школьных музеев их изучением почти не занимались, считая их «дилетантскими» и «несерьезными» и не учитывая их важность как социального явления⁹⁶.

Общественные музеи были в основном посвящены местной истории, деятельности знаменитостей, были центрами краеведческой работы. Коллекции таких музеев в значительной степени состояли из документов личного происхождения (воспоминания, письма, дневники и т.п.). Специфика общественных музеев состоит в иллюстративно-выборочном методе, а подход сотрудников к сбору материала может быть очень субъективным. Такие коллекции имели большое источниковедческое значение, но в научной работе краеведов зачастую отсутствовал критический подход к источникам, а все найденные памятники становились экспонатами, что приводило к перенасыщению экспозиции, которые к тому же не сменялись.

В позднесоветское и постсоветское время среди школьных музеев преобладали музеи военно-исторического профиля⁹⁷, ведущей темой для которых была память о Великой Отечественной войне – ведь по поводу этого события существовал общественный консенсус, к тому же источники и воспоминания были относительно доступны (если речь не шла о запрещенных цензурой к упоминанию эпизодах истории), и можно было найти местных героев. Например, показателен набор выставок в школьном музее истории села Эдиссии (1997): «Мое село на карте Родины», «Жизнь и быт наших предков», «Великая Отечественная война в истории нашего села». История СССР в этом музее сводилась к истории войны⁹⁸.

В постсоветское время музеи, созданные и работавшие на безвозмездной основе, оказались в тяжелом кризисе. Прямого финансирования музеи не получали. Руководители учреждений, понимая, что необходимо хоть как-то удержать людей, зачастую шли на подлог, фиктивно назначая сотрудников музеев на другие должности (столяра, плотника, инженера) – такие сотрудники называлось «подснежниками». К тому же все законодательные акты, регулировавшие деятельность общественных, ведомственных и школьных музеев, в 1991 году утратили силу, музеям нужно было разрабатывать свои уставы и другие документы, регулировавшие их деятельность.

⁹⁶ Исключения составляют работы, посвященные практической стороне организации школьных музеев. См.: Богуславский С.Р. Школьный музей-клуб: Книга для учителя: Из опыта работы. М.: Просвещение, 1989; Альтман И.А., Курносоев А.А., Туманов В.Е. и др. Под ред. С.О. Шмидта. Документальные памятники в школьных музеях: выявление, учет, использование. Учебное пособие для студентов вузов. М.: 1988; Смирнов В.Г. Художественное краеведение в школе. М., 1987; Школьные музеи. Из опыта работы / Под ред. В.Н. Столетова, М.П. Кашина. М., 1977; Школьные музеи. Из опыта работы / Сост. А.Е. Сейненский. М., 1977.

⁹⁷ Леонов Е.Е. Исторический аспект появления и развития школьных музеев в России: периодизация, проблемы, особенности работы // Вестник КемГУКИ. 2017. Вып. 17. С. 39-49.

⁹⁸ Арутюнян М.А. Музей истории села // Адаменко С.В., Артищева Г.В. и др. Музей в современном образовательном пространстве сельской школы: традиции и инновации. Ставрополь: СКИПРО, 2007. Вып. 7. С. 89.

Ю.С. Егоров, начальник сектора музеев Комитета по культуре Правительства Москвы, на конференции в Музее революции в 1995 году отметил, что сеть музеев увеличивается за счет бывших общественных музеев и новых частных коллекций. Поскольку, по его словам, общественные музеи испытывают огромные трудности и без материальной и юридической поддержки Комитета по культуре Правительства Москвы могут погибнуть, необходимо создание Московского объединения историко-краеведческих музеев⁹⁹. Проблемой исчезновения школьных музеев был озабочен отдел краеведения Центра детско-юношеского туризма Министерства просвещения РФ, проводивший краеведческие конференции и издававший журналы. Были, конечно, различные частные решения. Например, с 1990 г. работу школьных музеев в Шпаковском районе (Ставропольский край) организовывала и координировала районная станция юных туристов: помогала собирать материалы, вести учет экспонатов, проводить заседания краеведов, разрабатывать программы¹⁰⁰. Но что, помимо поощрения местного энтузиазма, может дать методическая помощь при отсутствии финансирования? Единственным вариантом спасения для общественных музеев стало вхождение в государственные музеи в качестве филиала.

С 1985 до 1996 год количество общественных музеев сократилось до 4780 (при том, что открывались новые), а около 2000 школьных музеев прекратили свое существование. Например, в отчёте 1996 года об итогах паспортизации музеев в Тульском крае в качестве причин сокращения количества школьных музеев на 41 (остался 71 музей) назывались: нехватка помещений, невнимание администрации школ к проблемам музеев и отсутствие интереса к идеологически окрашенным темам (музеи чехословацко-советской дружбы, ленинские музеи, музеи истории пионерской организации и др.)¹⁰¹. Н.И. Решетников сообщает, что в первую очередь исчезли музеи, которые не были связаны с местной историей или непосредственно с заведением, в стенах которого располагались. Ключевая проблема здесь – утрата коллекций. И опять же – и в 1990-е годы литература о деятельности (умирающих) общественных музеев практически не появляется.

10.4. Новое понимание музея

10.4.1. Теоретические основания музейной деятельности в 1990-е

⁹⁹ Поцелуева А.И. Методика экспозиционной работы музеев (по материалам научно-практического семинара работников музеев Москвы и Московской области). С. 199.

¹⁰⁰ Серебренникова Т.П. Второе рождение школьного музея // Адаменко С.В., Артищева Г.В. и др. Музей в современном образовательном пространстве сельской школы: традиции и инновации. Ставрополь: СКИПРО, 2007. Вып. 7. С. 69.

¹⁰¹ Персин А.И. Об итогах паспортизации школьных музеев в Российской Федерации по состоянию на 1996 год // Вестник детско-юношеского туризма в России. – М., 1997. - №2 (22). С. 12-13.

Популярный теоретик, наследие которого в 1990-е годы постоянно обсуждается музейными работниками на конференциях как «вновь открытое»¹⁰², – философ Николай Федорович Федоров¹⁰³ (1829-1903), на рубеже веков написавший труд «Музей, его смысл и назначение». Обращение к его наследию совпало с модой конца 1980-х на внезапно разрешенную русскую религиозную философию и популярностью идеи «русского космизма», основателем которого он считался. Книга была переиздана сначала в 1982-м, а затем в 1993 году. «Можно сказать, что в нашей стране Н. Федоров создал философию музееведения, а А[враам Моисеевич] Разгон – его теорию», -- пишет М.Е. Каулен, редактор коллективной монографии «Музейное дело России».

В сочинениях Федорова музейные деятели и теоретики выделяют три важнейшие идеи: во-первых, мысль о *гуманизации* музея, его обращении не к вещам или процессам, а к людям и их историям; во-вторых, идея о том, что музей должен не только заниматься наукой, но и *действовать в социальном поле*; в-третьих, представление о том, что одна из ключевых функций музей – это *коммуникация*, выстраивание отношений. Несмотря на то, что эти идеи выдвигались и советскими теоретиками искусства в 1920-е – начале 1930-х годов¹⁰⁴, в 1990-е музееведы избегали обращения к их трудам: в отсутствие исторической дистанции специфический советско-марксистский язык изложения «заслонял» научную значимость теоретических разработок 1920-х – начала 1930-х годов, тогда как фигура Федорова и его стилизованная религиозная риторика импонировали своей инаковостью и «духовностью».

Мысль о том, что музей – организация с большой социальной ответственностью, лежит в основе определения Международной ассоциации музеев (ИКОМ), принятой в 1989 году: «Музей – это некоммерческая, постоянная институция на службе общества и его развития, открытая для публики и занимающаяся приобретением, сохранением, изучением, коммуникацией и экспонированием материальных свидетельств человечества и его окружения в целях исследования, образования и получения удовольствия»¹⁰⁵. ИКОМ проводил конференции, сами темы которых симптоматичны и указывают новый вектор в

¹⁰² См., например: Коваль Л.М. Первый публичный музей Москвы // Исторические музеи в системе культуры города. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Музея истории города Москвы 9-10 октября 1996 г. М.: Военный парад, 1997. С. 109--113; Ольшевская Г.К. Создание экспозиций по истории XX века: взгляд на проблему // Музейное дело. История XX века в музейных экспозициях. Сб. науч. тр. М., 1995. Вып. 22. С. 15-28.

¹⁰³ Идеи Н.Ф. Федорова могли даже быть объявлены основой для формирования экспозиции, как, например, в Доме-музее писателя С.А. Клычкова в деревне Дубровка Талдомского района Московской области.

¹⁰⁴ См. напр.: Ананьев В. Изучение музейной аудитории в 1920-е годы (по архивным материалам) // Диалог со временем. Вып. 41. 2012. С. 367—373; Силина М. «Эмоциональное мышление» и «самоговорящие вещи»: к истории аффекта в советских музеях в 1920–1930-х годах // Политика аффекта: Музей как пространство публичной истории. Под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 151—173.

¹⁰⁵ Цит. по: Менш П. ван. К методологии музеологии / пер. с англ. В. Г. Ананьева. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2018. С. 422-423.

развитии музейной институции: «Музеи – генераторы культуры» (1989), «Музей – переосмысление границ» (1992), «Музей и общество» (1995). Подчеркнем, что в 1990-е годы и в отечественном музееведении заметна тенденция перехода от «культуросохраняющей» к «культурообразующей» роли музея в современном обществе¹⁰⁶.

Особенно следует сказать об основных идеях доктора исторических наук Аврама Моисеевича Разгона (1920-1989), первого в СССР профессора по кафедре музейного дела, одного из учредителей Международного комитета музеологии в составе ИКОМ. В 1970—80-е годы он стал «мотором» в подготовке учебника «Музееведение. Музеи исторического профиля», который в итоге был написан коллективом специалистов из СССР и ГДР и вышел в свет по-немецки в Восточном Берлине в 1987 году, а по-русски – в Москве в 1988-м; Разгон написал в нем главу «Музееведение как научная дисциплина». Этот учебник впоследствии использовался в соответствующих программах российских вузов; дефиниции, изложенные в нем, являлись отправной точкой для разработки музееведческих проблем на протяжении всего первого постсоветского десятилетия¹⁰⁷. Теоретические разработки Разгона легли в основу ряда нормативных актов, принятых Министерством культуры РФ¹⁰⁸.

Разгон рассматривал музееведение как дисциплину, чей предмет исследования – процессы накопления и сохранения социальной информации посредством музейных предметов, а также процессы возникновения, развития и общественного функционирования музея и музейного дела. В поздних работах А.М. Разгон характеризовал сам музей как информационное и коммуникационное учреждение¹⁰⁹.

Но, хотя позднесоветское музееведение постепенно возвращается к идее социальной роли музея¹¹⁰, -- М.Б. Гнедовский, В.М. Колганов и В.М. Суринов писали об отсутствии в российском научном обороте музееведческих разработок зарубежных ученых¹¹¹. Поэтому ссылки на Федорова неслучайны: в ситуации нехватки переводов зарубежных исследований и неумения значительной части специалистов читать на иностранных языках это была

¹⁰⁶ Музейное дело России / Под ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. С. 338.

¹⁰⁷ См. об этом: Скрипкина Л.И. Значение теоретического наследия А. М. Разгона для решения современных проблем развития музейного дела России // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX-XXI веков. М., 2001.

¹⁰⁸ Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX-XXI веков / Труды ГИМ. М., 2001. Вып. 127. С. 5. Заседание Научного совета исторических и краеведческих музеев при Минкульте РФ на тему «Итоги и перспективы развития музейной теории и практики в России на рубеже веков» в 2000 году было посвящено памяти Разгона.

¹⁰⁹ Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX-XXI веков (Труды ГИМ. Вып. 127). С. 20.

¹¹⁰ Материалы дискуссии «Социальные функции музея: споры о будущем», состоявшейся в НИИ культуры, были опубликованы в 1989 году.

¹¹¹ Гнедовский М.Б., Колганов В.М., Суринов В.М. О направлении разработки программы музееведческих исследований. // Музей и современная социокультурная ситуация. Обзорная информация. Сер.: Музейное дело и охрана памятников. Вып. 2. М., 1989.

возможность опереться хоть на какую-то теорию, при этом не советскую по своему происхождению.

10.4.2. Работа с посетителями

Российские музеи в 1990-е закономерно оказываются перед необходимостью принять новую образовательную концепцию музея: не работа с посетителями ради трансляции идеологических установок, а работа с посетителем как с полноправным участником коммуникативного процесса и использование новых форм культурно-образовательной деятельности¹¹².

Специалисты поняли, что в новых условиях очень острым становится о результативности музейной коммуникации, о необходимости подготовки новых специалистов, «экспертов по посетителям», педагогов. Начало использования новейших достижений педагогики и психологии для развития музейной практики в СССР приходится на конец 1920-х – начало 1930-х годов, однако уже вскоре после этого, с усилением террора, всякие эксперименты такого рода прекращаются.

Работы по социологии музеев возобновились в 1960-е--1980-е годы. В 1973-1980 годах НИИ культуры провел комплексное исследование «Музей и посетитель» под руководством Ю.П. Пищулина¹¹³. В 1989 году тот же НИИ выпустил методические рекомендации «Социологическое исследование в музее» (сост. Ю.У. Гуральник, Ю.Б. Самсонов). Но результаты этих исследований остались почти невостребованными – почему, объясняла Г.К. Ольшевская в статье 1990 года:

...Были только слабые попытки приступить к этой проблеме. Однако и сегодня качество экспозиции измеряется реализацией в ней лишь профессиональных требований. Качественная система показателей эффективности экспозиций, базирующаяся на их возможности реализовать свои образовательно-воспитательные функции, не разработана до сих пор... [Принципы построения экспозиций] не способствуют эффективности их восприятия.¹¹⁴

Лаборатория музееведения Музея революции в 1991--1992 годах провела цикл экспертных интервью для исследования на острую тогда (впрочем, и теперь) тему: «Перспективы создания новых экспозиций по истории XX века и методика работы

¹¹² Медведева Е.Б., Юхневич М.Ю. Музейная педагогика как новая научная дисциплина. // Ориентиры культурной политики (культурно-образовательная деятельность музеев). М.: Министерство культуры РФ, Главный информационно-вычислительный центр, 1997. Вып. 4. С. 23.

¹¹³ Музей и посетитель. Труды НИИ культуры. Т. 33 (М.: НИИ культуры, 1975), 43 (М.: НИИ культуры, 1976), 65 (М.: НИИ культуры, 1978), 85 (М.: НИИ культуры, 1979), 101 (М.: НИИ культуры, 1981).

¹¹⁴ Ольшевская Г.К. Экспозиция по истории советского общества: формирование модели (50-е – 80-е гг.) // Музейное дело в СССР. Пути повышения эффективности музейной деятельности. Научные труды. М., 1990. Вып. 20. С. 40.

экспозиционером». В нем приняли участие работники 13 российских музеев. Согласно исследованию, 69% респондентов исходили из интереса посетителей при разработке структуры экспозиций, но главную задачу экспозиции видели в «правдивом изложении», а вовсе не в зрелищности и доходчивости. «...[Э]ти ответы свидетельствуют, что подход музейного сотрудника к работе ориентирован не на ее результаты, т.е. возможность воздействия на посетителя, а на убеждения, знания и задачи самого экспозиционера. Таким образом, по сути, принцип работы экспозиционера не изменился»¹¹⁵. *Ориентация на посетителя осталась только декларацией*. Как показывает опрос, при разработке экспозиции не предусматривалось, чем она может быть интересна для каждой категории посетителей, при том что половина респондентов надеялась, что основной аудиторией их выставок станет молодежь. Однако только 38,5% респондентов считали, что их экспозиция будет интересна школьникам.

Иначе говоря, сами экспозиционеры считали, что их работы не могут привлечь тех, кто чаще всего посещает музей. Г.К. Ольшевская и этот поразительный результат объясняла примерно так же, как не востребованность социологии музеев в СССР:

...долгое время мерилom успеха экспозиционера была оценка вышестоящей организации, а как чувствует себя посетитель, осматривая эти экспозиции, мало кого интересовало. Во всяком случае, в 1993 г. совещание музеев Москвы и области, организованное Музеем революции, показало, что этим вопросом не интересуются практически ни в одном из музеев – участников совещания. [...] В представлении экспозиционера само помещение в экспозицию экспоната является гарантией того, что посетитель его увидит, заинтересуется им настолько, чтобы ознакомиться с ним и правильно понять, к тому же без особых усилий сможет войти в мир понятий и образов автора. [...] Распространена, например, уверенность экспозиционера, что посетитель легко узнает политических лидеров недалекого прошлого, например, Хрущева, Брежнева. Но наши исследования показали, что люди моложе 30 лет часто не узнают их¹¹⁶.

Только в 1990-е годы в России наконец была воспринята музейная педагогика. Творческую лабораторию с таким названием организовал все тот же А.М. Разгон -- в 1990 г., на базе кафедры музейного дела Института (в настоящее время Академии) переподготовки работников искусства, культуры и туризма (ИПРИКТ). В том же году при Русском музее в Ленинграде был создан Российский научно-практический центр по проблемам музейной педагогики¹¹⁷. Сам термин *Museumspädagogik* был введен немецким ученым Гербертом

¹¹⁵ Ольшевская Г.К. Создание экспозиций по истории XX века: взгляд на проблему // Музейное дело. История XX века в музейных экспозициях. Сб. науч. тр. М., 1995. Вып. 22. С. 15-28.

¹¹⁶ Ольшевская Г.К. Создание экспозиций по истории XX века: взгляд на проблему.

¹¹⁷ Милованов К.Ю. Музейная педагогика как научная дисциплина: генезис, этапы становления, основные тенденции развития // Иванова С.В., Милованов К.Ю., Никитина Е.Е., Иванова О.В. Музейная педагогика как область педагогической науки: сборник научно-методических трудов / Под общей ред. С.В. Ивановой. М.: ФГНУ ИТИП РАО, 2012. С. 29. Еще раньше, в 1984 году, на базе НИИ культуры Е.Г. Ванслова начала проводить семинары «Музей и подрастающее поколение».

Фройденталем еще в 1931 году¹¹⁸, а соответствующая предметная область развивалась с начала XX века. Тем не менее еще в 1997 году российские авторы называли «новой» эту дисциплину, сложившуюся «на стыке музееведения, педагогики и психологии, предметом которой являются культурно-образовательные аспекты музейной коммуникации»¹¹⁹.

10.4.3. Диверсификация аудитории: «от младенцев “в памперсах” до пенсионеров и инвалидов»¹²⁰

Новые задачи музеев – совершенствование организационной структуры, повышение спроса на результаты музейной деятельности, увеличение финансирования за счет негосударственных источников, а также переход на принципы результативности, проектную работу, гонорарную оплату, новые формы работы с аудиторией – всё это требовало иной квалификации сотрудников, их знакомство с основами музейной педагогики и социологии музейного дела, а также с «непривычными иностранными терминами»¹²¹ -- менеджментом и маркетингом. При этом музееведческой специализации в СССР не существовало до начала 1980-х годов¹²²: его заменяли высшие музейные курсы. С 1982 года в НИИ Культуры (сейчас Российский институт культурологии) начала работать музееведческая аспирантура, а в 1985 году появилась кафедра музейного дела в Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма (АПРИКТ, ранее Всесоюзный институт повышения квалификации работников искусства и культуры)¹²³, которая занималась повышением квалификации музейных работников. На рубеже 1980-х – 1990-х годов в СССР начинается бум музееведческого образования.

Творческая лаборатория «Музейная педагогика» постоянно проводила выездные научно-практические конференции, «путешествуя» из региона в регион, делая возможным участие в конференциях местных небольших музеев, составляющих основную часть музейной

¹¹⁸ Freudenthal H. Museum -- Volksbildung -- Schule. Heft 28. Erfurt: Akademie gemeinnütziger Wissenschaften, 1931.

¹¹⁹ Медведева Е.Б., Юхневич М.Ю. Музейная педагогика как новая научная дисциплина // Ориентиры культурной политики (культурно-образовательная деятельность музеев). М.: Министерство культуры РФ, Главный информационно-вычислительный центр, 1997. Вып. 4. С. 25.

¹²⁰ Медведева Е.Б. Творческая лаборатория «Музейная педагогика» и ее роль в развитии культурно-образовательной деятельности российских музеев // Актуальные проблемы современного музейного дела. Сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела. Вып. 8 / Сост. И.М. Коссовой. АПРИКТ. М.: ИКАР, 2010. С. 45--54.

¹²¹ Музей и коммуникация. Концепция развития Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. М.; Самара, 1998. С. 102--103.

¹²² За исключением одного выпуска 1942 г. кафедры музееведения Ленинградского политико-педагогического коммунистического института.

¹²³ Коссова И.М. Кафедра музейного дела: история, современность и перспективы // Актуальные проблемы современного музейного дела. Сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела. Вып. 8 / Сост. И.М. Коссовой. АПРИКТ. М.: ИКАР, 2010.

сети страны¹²⁴. В рамках этой институции в начале 1990-х годов разрабатывается концепция переподготовки музейных кадров. При её составлении учитывался опыт конца 1910-х – 1920-х годов в СССР¹²⁵, а также практика коллег из других стран. Из программы исключаются идеологизированные «общественные дисциплины», на которые прежде у всех советских студентов уходило много времени -- большее внимание уделяется профессиональным курсам. В основу программ был положен проблемный подход, а не разделение по должностным категориям. Курс обучения – пять сессий по одному месяцу с отрывом от работы и защита диплома – проектной работы в музее.

Расширяется список дисциплин на курсах повышения квалификации: например, вводится курс по музейной социологии. Первыми такие исследования стали проводить музеи Московского Кремля, Музей-панорама «Бородинская битва», Государственная Третьяковская галерея. В дальнейшем финансовые трудности привели к сокращению количества слушателей¹²⁶. Однако учебные издания, которые можно было использовать для таких курсов, появились только в 2000-е годы: учебник «Музейное дело России» был издан в 2003 году (под редакцией М.Е. Каулен, И.М. Коссовой и А.А. Сундиевой – я несколько раз ссылаюсь на эту книгу), «Российская музейная энциклопедия» в двух томах (глава редакционного коллектива – В.Л. Янин) вышла в 2001-м.

В Государственном историческом музее в 1990 году был создан первый в музеях России отдел музейной педагогики и разработаны программы «Детского образовательного центра ГИМ», открыты Музей кружковцев ГИМа и детский самодеятельный Исторический театр. ГИМ разработал специальную детскую продукцию: «Мини-путеводители», книжки-игрушки, серию настольных игр «Исторический театр на столе», музейные игры-головоломки, паззлы «Московская старина». Эти игры были изданы в 1994 году¹²⁷.

Работа с детьми – это главный акцент в изменениях отношения музеев с аудиторией в 1990-е годы¹²⁸. «...Наиболее активно в это время стало развиваться так называемое “детское направление” музейной деятельности: работы с дошкольниками и младшими школьниками»¹²⁹. В сборниках конференций музейных работников можно найти множество отчетов о работе с детской аудиторией и изобретении новых форм музейного показа в связи с

¹²⁴ Медведева Е.Б. Творческая лаборатория «музейная педагогика» и ее роль в развитии культурно-образовательной деятельности российских музеев // Актуальные проблемы современного музейного дела. Сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела. Вып. 8. С. 45-54.

¹²⁵ К примеру, о целях музейной педагогики и подготовке сотрудников писали А. Бакушинский в работе «Музейно-эстетические экскурсии» (1919) и Н.А. Гейнике в сборнике «Культурно-исторические экскурсии» (1923).

¹²⁶ Коссова И.М. Кафедра музейного дела: история, современность и перспективы. С. 11.

¹²⁷ Мальцева Н.А. Москва и Государственный исторический музей. С. 126-134.

¹²⁸ «Значительным достижением 1990-х стало возрождение в России спустя многие годы детского музейного движения» (Медведева Е.Б. Творческая лаборатория «музейная педагогика» и ее роль в развитии культурно-образовательной деятельности российских музеев. С. 50).

¹²⁹ Медведева Е.Б., Юхневич М.Ю. Музейная педагогика как новая научная дисциплина. С. 24.

этим¹³⁰. Так, Самарский областной историко-краеведческий музей музей им. П.В. Алабина применял дифференцированный подход к детской аудитории: для младших школьников – трехгодичный цикл «Музейная академия», для средних – «Алабинский бал», для старших – серия деловых игр, например, «Играем в ООН», проведенная по инициативе Самарского отделения содействия ООН в 1995 г.¹³¹ В Государственном биологическом музее им. К.А. Тимирязева были разработаны программы для детей, в которых основная форма подачи – диалог вместо монолога. В музее был создан детский абонемент, организована программа «Семья в музее», посетители могли заплатить за прохождение квеста «Семейный лабиринт» (1993). В специально созданной «Комнате открытий» (1997) сотрудники отказались от витрин и сделали акцент на тактильном контакте – поэтому музей создал специальный фонд экспонатов, которые можно трогать. В нем был установлен «Черный ящик», в котором надо на ощупь найти предметы, связанные с темой выставки. В «Комнате открытий» можно было попробовать экзотические фрукты, определить по запаху пряности, рассмотреть экспонаты под микроскопом. По интерактивным экспозициям музея посетители могли ходить самостоятельно -- с гидом-путеводителем или с научным сотрудником¹³².

Социологические исследования Политехнического музея также показали, что большая часть его посетителей были учащимися, которые приходили в продолжение школьной программы (70%), 27% составляли самостоятельные посетители для досуга, а специалисты – только 3%. Музей принял решение работать с вторым разрядом аудитории, привлекая новую публику и удовлетворяя запросы этого сегмента аудитории. Была разработана программа «Политехнический музей – центр внешкольного образования»¹³³. Политехнический музей создал программы «Выходной в Политехническом», а через три года – «Семья в музее», и сделал их базой для маркетинговых исследований. За три года программы «Выходной в музее» выяснилось, что 60% неодиноких посетителей – семейные группы, состоящие из отца и сына, 20 % – группы, состоящие из матери и сына, бабушки с внуками составляли 15%, а полная семья с несколькими детьми – 5%. Получается, что 90% входящих семей были представлены только частично. Музей стал учитывать эту особенность аудитории при составлении программы. Например, делать намеренные «цезуры» в материале: «Но часто мы не объясняем до конца, поняв, что взрослый может сам что-либо объяснить ребенку. Мы

¹³⁰ См., например: Исторические музеи в системе культуры города. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Музея истории города Москвы 9-10 октября 1996 г. М.: Военный парад, 1997; Музей – город – регион: история и современность.

¹³¹ Музей и коммуникация. Концепция развития Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. М.: Самара, 1998. С. 44.

¹³² Михеечева Е.Н. Новая интерактивная детская экспозиция «Комната открытий» в Государственном биологическом музее им. К.А. Тимирязева // Музей – город – регион: история и современность. С. 134-140.

¹³³ Жекова Т.Л. Новые программы работы с посетителями в Политехническом музее // Музей – город – регион: история и современность. С. 140-145.

провоцируем их взаимное общение не только в музее во время экскурсии, но и после, за стенами музея, создавая, развивая внемузейные коммуникации»¹³⁴.

В 1990-е годы сотрудники музеев и школ начали искать новые формы взаимодействия. Правда, в отчетах об этих новых формах речь шла в основном о большем распространении термина «музейно-образовательная программа», в который включалось, по сути, прежнее содержание музейной деятельности -- например, обычный набор экскурсий. В основном такие программы были ориентированы на детей младшего школьного возраста, а не на подростков. Безусловно, были исключения – например, программа непрерывного образования учащихся «От 6 до 17» в Государственном музее-заповеднике «Московский Кремль» или музейно-экскурсионная программа «Мир вокруг нас» для школ Ярославля.

Программа Московского Кремля состояла из трех блоков, ориентированных на конкретный возраст. Школьники младших классов в игровой форме учились смотреть на музейные предметы и понимать их язык, школьники 10--15 лет знакомились с памятниками архитектуры, живописи и декоративно-прикладного искусства в формате клубной работы, наконец, старшеклассники слушали курс лекций о проблемах изучения русской культуры и проходили экскурсионную практику. Те, кто прошел весь курс, сдавали экзамен на «аттестат зрелости» и получали сертификат на проведение экскурсий по Оружейной палате и территории Кремля¹³⁵.

Тексты музейно-образовательных программ были изданы небольшими тиражами (3--10 тыс. экз.), что не способствовало их широкому распространению: они имели экспериментальный характер и не получили гриф Министерства образования – за исключением цикла программ Русского музея, впервые оформившего свои программы «по канонам педагогического жанра», то есть с постановкой образовательных задач, обоснованием педагогических методик, вниманием к возрастным особенностям школьников, сценарными разработками музейных уроков и способами проверки знаний и т.п.

Консервативно настроенные музейные работники нередко сопротивлялись независимой деятельности педагогов в музеях, считая, что право комментировать их коллекции принадлежит только экскурсоводам. В ответ на это руководительница Ассоциации музейных педагогов Е.Г. Ванслова стала добиваться, чтобы педагогам разрешили самостоятельно работать со школьниками на музейных экспозициях. Ряд музеев (ГИМ, «Московский Кремль», Государственный биологический музей имени К.А. Тимирязева) стал проводить курсы для школьных педагогов, окончившим их учителям разрешалось работать в

¹³⁴ Белицкая Е.М., Терехова С.М. Образовательные программы Политехнического музея // Ориентиры культурной политики (культурно-образовательная деятельность музеев). М.: Министерство культуры РФ, Главный информационно-вычислительный центр, 1997. Вып. 4. С. 114-118.

¹³⁵ Музейное дело России. С. 249-251.

музеях с учащимися. Но в основном разработки активных учителей для занятий в музее были встречены протестом со стороны музейных работников, и «слаженного взаимодействия музейного и школьного педагога не получилось»¹³⁶.

На волне диверсификации аудитории появляются программы межинституционального *сотрудничества с вузами*. Кафедра отечественной истории МГУ работала с музеями Москвы, Государственный Русский музей создал программу по эстетическому воспитанию студентов технических вузов, у Музея театрального и музыкального искусства в г. Санкт-Петербурге появились циклы «Игры взрослых детей» и «Двадцать лет спустя» -- обмен опытом со старшим поколением в профессии¹³⁷. Сотрудники исторического факультета Уральского государственного университета создали в 1991 году научно-производственное многопрофильное предприятие «Волот», задачами которого было содействие в формировании фондов и коллекций региональных музеев, участие в организации выставок, конференций, научных изданий, олимпиад¹³⁸. За десять лет работы «Волота» его сотрудники создали постоянные экспозиции музеев в городах Сургут, Нягань, Советский, Югорск, провели конференцию «Развитие музейного дела в городах Тюменского Севера» (1996), издали каталог древнерусской книги из собрания Сургутского краеведческого музея (1994)¹³⁹.

Отсутствие государственной программы взаимодействия системы образования и музеев привело к тому, что такие программы стали создавать энтузиасты в регионах – в Пермском областном музее, Музее Республики Татарстан и некоторых других¹⁴⁰.

Постепенно в музеях начинают появляться специальные *программы для пожилых людей*: «День пожилого человека», кинопоказы и концерты для пенсионеров¹⁴¹. Особенно показателен пример бывшего музея им. Н.А. Островского, для которого новое понимание социальной миссии и основной аудитории привело к кардинальной смене имиджа. Государственный музей Н.А. Островского, автора романа «Как закалялась сталь», был создан в 1940 г. по инициативе ЦК ВЛКСМ и работал под патронажем этой организации, будучи «одним из самых идеологизированных музеев Москвы»¹⁴². Но в 1990-е годы, когда с музейной

¹³⁶ Медведева Е.Б. Творческая лаборатория «музейная педагогика» и ее роль в развитии культурно-образовательной деятельности российских музеев. С. 45-54.

¹³⁷ Коссова И.М. Музей и образование взрослых // Ориентиры культурной политики (культурно-образовательная деятельность музеев). М.: Министерство культуры РФ, Главный информационно-вычислительный центр, 1997. Вып. 4.

¹³⁸ Историческому музею – 125 лет. Материалы юбилейной научной конференции. Труды ГИМ. Вып. 100. М., 1998.

¹³⁹ Горшков С. В., Редин Д. А. «Волот»: Десять лет в науке, образовании и культуре // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 358-372.

¹⁴⁰ Музей – город – регион: история и современность. С. 10.

¹⁴¹ Музей и коммуникация. Концепция развития Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина.

¹⁴² Купцова Е.М. Об этапах разработки новой концепции Государственного музея-центра «Преодоление» им. Н.А. Островского // Музей – город – регион: история и современность. С. 107-115.

карты Москвы исчезли Центральный музей В.И. Ленина и Государственный музей М.И. Калинина, его роль должна была измениться. С 1992 года он стал называться Государственным музеем-центром «Преодоление» им. Н.А. Островского (с учетом того, что писатель, давшей свое имя этому учреждению, был тяжело больным человеком) и взял на себя функции гуманитарного центра: содействие реабилитации людей с инвалидностью, организация выставок художников с ограниченными возможностями, проведение благотворительных концертов и выставок в пользу людей с ограниченными возможностями и детей, оставшихся без попечения родителей, организация концертов начинающих исполнителей. В связи с этим изменилось его собрание: большая часть поступившего материала относится к теме «Преодоление» (например, работы художников с ограниченными возможностями). Поменялись и формы работы: к примеру, на выставке «Не зря» экспонаты можно было трогать руками, чтобы ее могли посещать незрячие люди. Нашлись новые партнеры: музей является базой международного движения «Lions», сотрудничает с Московским фондом культуры, проводит конкурсы для учащихся музыкальных школ Москвы. Наконец, в музее открылся «Салон искусств на Тверской» в духе традиций салона княгини З.А. Волконской, располагавшегося там когда-то¹⁴³.

10.4.4. Новые формы работы

В связи с новым пониманием задач музея, появилось представление, что современные экспозиции должны привлекать посетителя своей эмоциональностью, динамичностью. Своеобразным ориентиром служил открытый после реконструкции в 1989 году Музей Маяковского на Лубянке. Экспозиция была создана по проекту художника Евгения Амаспюра и архитектора Андрея Бокова, сценарий написал музеевед Тарас Поляков: посетитель попадал¹⁴⁴ в сложно организованное, четырехэтажное пространство, где каждому периоду жизни Маяковского соответствовала инсталляция, напоминая одновременно об установках конструктивистского театра и ассамбляжах дадаистов. Создатели делали акцент не на мемориальных предметах и документах (хотя и они были включены в экспозицию), а скорее на символах и мифологемах эпохи, в которую жил Маяковский, тем самым создав, по выражению Г. Ревзина, «единственный в мире музей про то, как поэзия трансформирует физическое пространство»¹⁴⁵.

Экспозиция Сахаровского центра, созданная в 1997 году по проекту Евгения Асса, также отличается продуманностью сценария и метафоричностью. Концепция движения от

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ В 2013 году музей был закрыт на капитальный ремонт, в ходе которого экспозиция была разобрана, а директор Светлана Стрижнева, одна из создателей концепции музея, смещена с должности.

¹⁴⁵ Ревзин Г. Очень важный маршрут. Малые музеи Москвы. – М.: Коммерсант, 2016.

«несвободы к свободе, от тьмы к свету»¹⁴⁶ была реализована за счет разделения выставочного пространства на четыре коридора, каждый из которых отделан своим материалом – неоштукатуренным кирпичом, металлом, деревом и тканью. Так, мрачное и давящее пространство в начале маршрута постепенно становилось все более легким и светлым.

Кроме того, музеи активно использовали доступные им приемы театрализации и игровые методики для «оживления» экспозиций. Показателен пример Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, где был создан музей-театр «Когда заговорили вещи» (под «дикторское» чтение сопроводительного текста экспонаты-«актеры» сменяли друг друга), проводились игры «Найди клад» и «Что, где, когда?»¹⁴⁷.

Организация событий в музейной среде в 1990-е годы становится одним из видов активности наряду с использованием игровых методик и элементов театрализации. На профильных конференциях заметно стремление музеев к театрализации мероприятий, костюмы, промыслы, обряды, манекены. Музеи сотрудничают с театрами, которые организуют мини-спектакли в помещениях музеев (Орловский областной музей, Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей)¹⁴⁸. Музеи проводят праздники, в том числе религиозного характера, приглашают музыкальные коллективы для выступлений на своих площадках. Например, Национальный музей республики Коми организует отмечание как Пасхи, так и языческих праздников по мифам древних коми, проводит Масленицу¹⁴⁹.

В рамках таких событий музеи пытаются приглашать к сотрудничеству мастеров традиционных народных ремесел, ансамбли народной песни, этнографические театры¹⁵⁰ -- или такие коллективы создаются внутри музейной институции. К примеру, Липецкий областной краеведческий музей организовал литературную гостиную и театральные постановки, начал проводить музыкальные вечера, «так как в отделе работают не только актеры, музыканты, но и профессиональная певица»¹⁵¹. Помимо этого, музей проводил стилизованные «русские» чаепития – они сопровождались рассказами сотрудников о традиционной русской культуре.

¹⁴⁶ Режим доступа: <http://asse.ru>. Дата обращения: 28.06.2020.

¹⁴⁷ Максаков А.Н. Новые формы работы Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника // Музей – город – регион: история и современность. С. 150-157.

¹⁴⁸ Музей – город – регион: история и современность. С. 10.

¹⁴⁹ Ларукова Л.И. Национальный музей республики Коми как культурный центр // Ориентиры культурной политики (культурно-образовательная деятельность музеев). М.: Министерство культуры РФ, Главный информационно-вычислительный центр, 1997. Вып. 4. С. 146-150.

¹⁵⁰ Сухова Н.А. К вопросу об образовательной концепции историко-этнографического заповедника «Шушенское» // Ориентиры культурной политики (культурно-образовательная деятельность музеев). М.: Министерство культуры РФ, Главный информационно-вычислительный центр, 1997. Вып. 4.

¹⁵¹ Катеринкина Л.П. Об отделе театрально-музыкального краеведения и о возрождении национальных традиций (новые формы работы) // Исторические музеи в системе культуры города. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Музея истории города Москвы 9-10 октября 1996 г. С. 107-108

Основная роль при таком типе посещения возлагалась на экскурсовода. Так, в музее «Кунцево» в середине 1990-х годов отказались от этикеток и подписей к экспонатам¹⁵². Экскурсия -- это «театр одного актера», -- пишут сотрудники Политехнического музея. Подобный подход предполагает, что экскурсовод сможет проявить артистичность, эмоциональность, расставить смысловые и эмоциональные акценты и умело обыграть «декорации»¹⁵³.

Заметно стремление музеев стать «третьим местом»¹⁵⁴ в городах, больше работать со сферой досуга горожан, занять нишу культурного центра, клуба, неформального места для встреч. На конференциях музейных работников 1997 года отмечалось, что особенно удастся такая роль биографическим музеям, потому что в них есть «дух места», атмосфера¹⁵⁵. Скажем, в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина в 1990-е годы складывается «клубная среда», он выступает в качестве площадки для репетиций музыкальных групп. Музей сотрудничал с фирмами по организации досуга: так, например, на площадке перед музеем в 1993-1995 гг. проходили «Битлз-фестивали». Такая трансформация музея сопровождалась интенсивной экспозиционной деятельностью: только в главном здании проходило до 15 выставок в год¹⁵⁶.

10.4.5. Новый образ музея: храм, фирма или тусовка?

Впрочем, стремление к зрелищности, массовым мероприятиям, новым каналам привлечения аудитории и новым источникам дохода многие музейные работники воспринимали критически. Специалист по культурному менеджменту В.Ю. Дукельский, скептически оценивая итоги 1990-х годов для музейного дела, использовал метафору: «Свершилось: Гермес украл у Аполлона стадо священных коров»¹⁵⁷. В музеи пришли новые люди: во многих из них открылись отделы по менеджменту, пиару, фандрайзингу и маркетингу. В центре внимания оказались «презираемые прежде» «массовики», но главная роль была отведена хозяйственникам-строителям. «...Так начался “великий евроремонт” отечественных музеев»: «Все вдруг поняли, что если театр начинается с вешалки, то музей –

¹⁵² Кутя В.В. Взрослый в музее «Кунцево». С. 118-122.

¹⁵³ Белицкая Е.М., Терехова С.М. Образовательные программы Политехнического музея. С. 114.

¹⁵⁴ Имеется в виду концепция третьего места Р. Ольденбурга, который понимает под этим термином пространства неформального общения, играющие важнейшую роль в функционировании гражданского общества и демократических институтов. См.: Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообществ / Пер. с англ. А. Широкановой. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

¹⁵⁵ Музей – город – регион: история и современность (по материалам конференций музейных работников, состоявшихся в гг. Москве и Орле в 1997 году). С. 10.

¹⁵⁶ Музей и коммуникация. Концепция развития Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. С. 47.

¹⁵⁷ Музеи. Маркетинг. Менеджмент / Сост. В.Ю. Дукельский, ред. коллегия: В. Дукельский, С. Кози, Н. Никишин, С. Фокс. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 208.

с общественного туалета. Оснащенные импортной сантехникой и отделанные опять же импортной плиткой туалеты совершили переворот в музейном сознании»¹⁵⁸.

В.Ю. Дукельский полагал, что в 1990-е годы научные отделы потеряли свое влияние. Например, в Кунсткамере выставки стали делаться не силами научных сотрудников: их дизайн стали разрабатывать художники¹⁵⁹. Такие изменения могли приводить к конфликтам в коллективах, за которыми нередко стояли межпоколенческие противоречия¹⁶⁰.

В Самарском областном историко-краеведческого музее была предпринята попытка описания внутреннего конфликта. Когда в 1991 году встал вопрос о передаче зданий краеведческого музея религиозным общинам, руководство Самарского филиала Центрального музея Ленина предложило музею занять основное здание Ленинского мемориала в Самаре. Процесс переезда затянулся на два года. В 1993 году произошло «чисто механическое слияние двух коллективов, имевших различный опыт и различные взгляды на будущее музея. Музей превратился в конгломерат специализированных отделов»¹⁶¹, что привело к организационному кризису. Авторы концепции развития нового, объединенного музея отмечали, что в нем возник «...дефицит коллегиальности, проблемы создания нормальной рабочей атмосферы, поскольку не было «нормальных механизмов проявления различных точек зрения», каналов обмена идеями, эффективных процедур принятия коллегиальных решений. К тому же часть коллектива быстрее освоилась с проектной деятельностью и привлекла к этому различные ресурсы музея, при этом потеряв мотивацию к занятиям «рутиной»¹⁶².

Авторы концепции привлекли социальную психологию и теорию менеджмента к анализу проблем музея и выделили три стиля работы сотрудников – религиозный (храм), технологический (завод) и игровой (тусовка), то есть разделили работников на жрецов, технологов и тусовщиков¹⁶³. У каждой из этих групп -- разный срок работы в музее и разные языки описания. Так, «жрецы» считают, что был «золотой век» в истории музея, откуда можно брать готовые способы работы. «Технологи» меряют все эффективностью, а «тусовщики» обладают более широким кругозором и сравнивают свою институцию не с другими музеями, а с другими культурными институциями, такими как шоу-бизнес, радио, ТВ, реклама и т.п. Например, в 1994 году «тусовщики» предложили товарный знак музея – портрет П. В.

¹⁵⁸ Там же. С. 206-207.

¹⁵⁹ Курьер Петровской Кунсткамеры. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, 1995. Вып. 1. С. 96.

¹⁶⁰ См., например: Селунская И. Ставропольский государственный музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Роман о музее. С. 92.

¹⁶¹ Музей и коммуникация. Концепция развития Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. С. 12-19.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Знаменательно, что в 1992 г. выходит русский перевод влиятельной статьи 1971 г.: Камерон Д. Музей: храм или форум? // Музейное дело. Музей—культура—общество: Сб. науч. тр. М., 1992.

Алабина (русского государственного деятеля XIX века, чье имя носит музей) в овальной рамке, по аналогии с товарным знаком чая «Липтон» с изображением основателя фирмы. «Жрецы» не приняли это, потому что «это ненаучно», так как это краеведческий музей, а не мемориальный музей Алабина. Не сошлись мнения сотрудников и по содержательным аспектам: научно-методический совет отклонил идею обзорной экскурсии по истории края, предложив исходить только из коллекций. Из этого следует, заключают авторы концепции, что «большинство сотрудников музея оказывается готово лишь к описательной модели интерпретации музейных коллекций и пока еще не может свободно обращаться с экспонатами как со знаками музейного языка, имеющими обширные поля значений».

Таким образом, в 1990-е стало заметным расхождение в понимании философии музея как среди музейных работников, так и среди культурологов. В.Ю. Дукельский описывает этот кризис как переход от музейного учреждения к «музейной фирме», когда «от диких форм первоначального этапа вхождения в рынок, вроде сдачи экспозиционных помещений в аренду, взимания платы на каждом шагу и прокручивания бюджетных средств, музеи постепенно стали переходить к формам цивилизованным» и «у музейного бессребреника неожиданно открылся талант лабазника»¹⁶⁴. Впрочем, это обобщение кажется слишком широким и публицистически заостренным: размышления о музее как храме, форуме, клубе и фирме только начинались в отечественном музееведении конца 1990-х годов, хотя, безусловно, на 1990-е годы приходится всплеск проектной деятельности – чему сильно способствовали российско-британские и российско-нидерландские семинары, обучавшие музейному маркетингу, менеджменту и проектированию¹⁶⁵.

Подводя промежуточный итог можно сказать, что в 1990-е годы музейные работники переживают, зачастую болезненно, радикальную смену институциональных оснований своей деятельности. Одно из ярких высказываний с культурконсервативной позиции, критикующих адаптацию музеев к условиям рыночной экономики и масс-культуры, – статья Л.И. Скрипкиной¹⁶⁶, обличавшая новые условия работы за то, что они не соответствовали теоретическим установкам Разгона. Скрипкина констатировала, что понимание музея в философии Н.Н. Федорова и в работах Разгона вступило в противоречие с новыми теоретическими принципами, почерпнутыми из зарубежных исследований по менеджменту и маркетингу музеев. Скрипкина жаловалась на то, что в новых условиях «в качестве музейного предмета могла выступать любая вещь, наделенная любым субъектом ценностным значением.

¹⁶⁴ Музеи. Маркетинг. Менеджмент. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 206—209.

¹⁶⁵ Дукельский В.Ю. Музеи в мире культурных проектов // Музеи. Маркетинг. Менеджмент. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 89-97.

¹⁶⁶ Скрипкина Л.И. Значение теоретического наследия А.М. Разгона для решения современных проблем развития музейного дела России // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX-XXI веков / Труды ГИМ. Вып. 127. М., 2001. С. 20-30.

Воплощенной моделью такого музея стал так называемый «открытый музей». Музей же становится, по ее мнению, одним «из звеньев индустрии развлечений».

Несмотря на это «теоретическое сопротивление», в целом музейное сообщество в 1990-е годы постепенно пришло к новому пониманию работы с аудиторией: не демонстрация самодостаточной коллекции, а концептуально выстроенная коммуникация.

10.5. Новые темы

«Концепции, положенные в основу экспозиций 5-10 лет назад, вошли в кричащее противоречие с новыми взглядами на историю, на исторический процесс. И, что не менее важно, они вошли в противоречие с потребностями посетителей. Даже вновь создаваемые экспозиции устаревали уже в ходе их создания и требовали постоянного обновления»¹⁶⁷, -- отмечают сотрудники Сургутского краеведческого музея в сборнике 1996 года. Им вторят печальные размышления о 125-летию Государственного Исторического музея в Москве:

...Музей входит в реструктурированный социум с плюралистическим общественным мнением, в котором нет пока общенациональной идеи и других фундаментальных «скрепов» (характерна эта тоска по общей идеологии – Ю.К.), а интересы ведущих социальных слоев и групп, как и способы их удовлетворения, детерминируются экономическими условиями и особенностями образа жизни. <...> Закономерно возникает вопрос об *общественной востребованности* [курсив мой. – Ю.К.] национального Исторического музея сегодня. <...> ...видит ли и считает ли актуальной эту социальную потребность политическое руководство современной России?¹⁶⁸

Исторические и краеведческие музеи были вынуждены реагировать на общественные изменения сильнее и отчетливее, чем музеи других типов. Какой может быть новая периодизация истории¹⁶⁹, на каком идеологическом принципе теперь ее строить и возможно ли выбрать такой идеологический принцип? Какими темами стоит дополнить экспозиции? Как говорить об истории советского периода? Отвечая на вопросы о возможности создания «достаточно полной» истории советского общества в музейной экспозиции, Д.С. Лихачев настаивал: в исторических экспозициях не должно быть «красной нити» и идеологической установки, должна быть объективность и документальность, только подлинные вещи и фотографии с подлинных объектов (впрочем, что такое «объективность» и возможна ли она, ученый не пояснил)¹⁷⁰. Для создания таких экспозиций, писал Лихачев, музеи должны стать

¹⁶⁷ Лазарева С.В. Создание системы выставок экспериментального характера в условиях Сургутского краеведческого музея // Развитие музейного дела в городах Тюменского Севера. С. 49.

¹⁶⁸ Шкурко А.И. 125 лет Государственному Историческому музею. // Историческому музею – 125 лет. Материалы юбилейной научной конференции. Труды ГИМ. Вып. 100. М., 1998. С. 21.

¹⁶⁹ Поцелуева А.И. Методика экспозиционной работы музеев (по материалам научно-практического семинара работников музеев Москвы и Московской области) // Музейное дело. История XX века в музейных экспозициях. Сб. науч. тр. Вып. 22. М., 1995. С. 198—205.

¹⁷⁰ Там же. С. 6—12.

научными центрами. В.П. Дмитренко предполагал, что при заполнении «белых пятен» истории (характерный перестроечный эвфемизм, обозначающий табуированные прежде темы), задачей музейных сотрудников должно стать создание «малых» (региональных) историй, потому что лишь на этой основе может быть создана новая история общества. Поэтому перед музеями открывается «необозримое поле деятельности». В.И. Дурновцев отмечал, что предметом внимания экспозиционера должны быть судьба отдельного человека, его вещи, история его семьи.

Обобщая, можно выделить основные принципы новой работы исторических и краеведческих музеев: поскольку нужно было отказаться от советской периодизации истории, а новые принципы построения большого нарратива были неочевидны (очевидно было только, что надо отказаться от советско-марксистского представления об истории), музейные работники обращаются к частной жизни людей, микроистории, истории локальных сообществ и групп. Кроме того, лучшие из них стремились включить в экспозиции новые материалы по запретным темам. Впрочем, часто такие специальные «аппендиксы» делались прежде всего из-за невозможности переделать всю экспозицию целиком – слишком сложно и/или слишком дорого. И, наконец, музейщики начали активно работать с современным материалом, создавая «публицистические» выставки¹⁷¹.

Показательным является набор экспозиций, появившихся в первой половине 1990-х годов в филиале Музея Революции «Красная Пресня»: музей задался целью «показать жизнь Пресни (городское хозяйство, социальный состав населения, различия в образе быта и потребностей), реакцию различных слоев населения на социальные потрясения и политические коллизии XX века»¹⁷². Выставка «Одежда и время» рассматривала одежду с точки зрения ее социальной характеристики, выставка «Предприниматели Прохоровы» рассказывала о четырех поколениях владельцев Трехгорной мануфактуры, а экспозиция «Три дня в августе. Пресня» призывала посетителей к осмыслению совсем недавнего прошлого – ее комплектование началось прямо на баррикадах в августе 1991 года.

Манифестом создания новых исторических экспозиций по истории советского общества можно назвать введение к сборнику научных трудов «Музейное дело» 1995 года:

Важнейшими направлениями реализации задачи построения современных экспозиций по истории XX века можно считать:

¹⁷¹ Этим проблемам была посвящена научно-практическая конференция музеев Северо-Западного региона «Музей и исторический процесс: отечественная история XX в.», прошедшая на базе Северодвинского краеведческого музея 24-25 ноября 1993 года, а также научно-практический семинар музеев Москвы и Московской области, состоявшийся в апреле 1994 года в Музее революции.

¹⁷² Поцелуева А.И. Методика экспозиционной работы музеев (по материалам научно-практического семинара работников музеев Москвы и Московской области) // Музейное дело. История XX века в музейных экспозициях. С. 201.

- объективный показ исторического процесса, событий и людей, что предполагает ликвидацию исторических мифов;
- активизацию научно-исследовательской работы музеев;
- ориентацию на специфику музейного отражения истории, иными словами, отказ (или попытку отказа) от ориентации на единственный тип экспозиции – экспозиции дидактической, построенной по единому для всех принципу;
- создание необходимых условий для функционирования экспозиций как коммуникативной системы¹⁷³.

Для выполнения этих задач музейным сотрудникам необходимо было интенсифицировать научно-исследовательскую работу. Скажем, из-за особенностей комплектования фондов в советское время в них отсутствовал целый пласт источников для проектирования новых экспозиций по истории края – основную часть коллекций советского периода составляли письменные источники¹⁷⁴. «Вообще научная работа в эти годы не только активизировалась, но и стала своего рода обыденным явлением. Если раньше каждая атрибуция, научная статья или доклад на конференции становились событиями музейной жизни, то теперь [в 1990-е годы – Ю.К.] они происходят по несколько раз в квартал»¹⁷⁵.

10.5.1. Советские цензурные табу: то, о чем знали все, теперь показано в музее

Стремление к обновлению экспозиций, к включению в нее прежде запретных тем, появилось в период «перестройки». Именно тогда в Северодвинском городском краеведческом музее коллектив принял решение о создании новой экспозиции – тогда началась разработка тем «Рождение Архсудостроя», «Репрессии в городе» и «Ягринлаг»¹⁷⁶. По словам директора музея В.И. Стуровой, открытие экспозиции в 1988 году

...совпало с началом нового осмысления отечественной истории. Не только месяцы, даже дни приносили новую информацию о событиях, новые взгляды на историю. [...] Мы буквально нащупывали проблемы. Впервые вводились такие понятия, как «командно-административная система», «сталинизм», «стагнация», в то же время еще нельзя было назвать поселок «Судострой», показать фото строителей в форме НКВД. Окружающие нас люди, в том числе и существовавшая еще цензура, часто были не готовы к восприятию новых взглядов¹⁷⁷.

¹⁷³ Музейное дело. История XX века в музейных экспозициях. С. 3.

¹⁷⁴ Лазарева С.В. Создание системы выставок экспериментального характера в условиях Сургутского краеведческого музея // Развитие музейного дела в городах Тюменского Севера. С. 49.

¹⁷⁵ Овсянников С.Н. Рыбинский музей-заповедник на рубеже столетий // Страницы истории Рыбинского музея. Рыбинск: Изд-во ОАО «Рыбинский Дом печати», 2010. С. 124.

¹⁷⁶ Ягринлаг – Ягринский исправительно-трудовой лагерь, организованный в 1938 году под Молотовском (название Северодвинска с 1938 по 1957 г.) для строительства судостроительного завода. В 1990 г. местная волонтерская организация «Совесть» создала захоронение заключенных (пространство бывшего лагерного кладбища было покрыто незахороненными костями) и поставила на этом месте стелу. В настоящее время на месте Ягринлага силами участников «Совести» несколько стел с именами заключенных, погибших во время пребывания в лагере.

¹⁷⁷ Стурова В.И. Экспозиция «Рождение города» как итог научно-исследовательской работы по созданию истории Северодвинска и ее документированию // Музейное дело. История XX века в музейных экспозициях. С. 94-97.

Работа над экспозицией не прекратилась после ее открытия. Когда в 1989 году был организован «Мемориал»¹⁷⁸, руководству музея «...удалось всю работу этой организации направить на сбор материалов о репрессиях 1930-1940-х гг., о Ягринлаге. Вместе с нами работали сотрудники КГБ и УВД»¹⁷⁹. Одновременно была создана рабочая группа из представителей судостроительных предприятий для помощи по комплектованию материалов. В результате этих работ была реконструирована экспозиция «Рождение города», в нее были введены материалы по Архсудострою и репрессиям. Стурова заключает: «Реконструированная экспозиция зала позволила, наконец, ответить на вопрос: для чего построен этот город. *То, о чем знали все северодвинцы, показано теперь в музее*»¹⁸⁰.

Начиная с перестройки в центре внимания сотрудников исторических и краеведческих музеев оказываются ранее замалчиваемые темы: репрессии (в том числе ссылки и расстрел священнослужителей и деятелей культуры), трудовые лагеря, стройки, уничтожение городов в связи с масштабными стройками, колонизированные народы, спецпереселенцы.

Сургутский краеведческий музей для создания выставок «Спецпереселенцы в Сургуте и Сургутском районе» (1930-1953) и «Сталинизм в судьбах сургутян» – о проблемах колонизированных народов и территорий, о трагических последствиях промышленного освоения территорий для коренных жителей – в начале 1990-х годов проводил комплексные историко-бытовые экспедиции по бывшим спецпоселкам района, собирал материалы о коллективизации, о «кулацких ссылках». Перед тем как активизировать эту работу, музей провел исследование запроса посетителей, в ходе которого выяснилось, что их интересуют «белые пятна» истории.

Выставка о сталинизме действительно вызвала повышенный интерес сургутян. Не последнюю роль в этом сыграло внимание создателей выставки к экспозиционному дизайну. Через реконструированные «Ворота свободы» (установлены в Сургуте в 1918 году) посетитель попадал в социалистический «рай», символом которого был сделан «столыпинский вагон». В темном зале красным высвечивался портрет Сталина, написанный в 1940-е годы одним из спецпереселенцев; световым лучом выделялся каждый из «расстрелов»: уничтожение прав собственности, культуры, религии, демократии. Экспонаты – подлинные предметы, привезенные из экспедиций музея, – были размещены на колючей проволоке¹⁸¹.

¹⁷⁸ Организация «Мемориал» в РФ принудительно внесена в список «иностранных агентов» и оспаривает этот статус.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же. Курсив мой.

¹⁸¹ Лазарева С.В. Создание системы выставок экспериментального характера в условиях Сургутского краеведческого музея // Музейное дело. История XX века в музейных экспозициях. С. 57.

В 1996 году во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике стало возможно создать музей «Суздальская тюрьма. Летопись двухвековой истории», включавший в том числе материалы о советской тюрьме: «Впервые вышел из небытия на свет материал о трагических судьбах монастырей, священнослужителей и монахов в 20-30-е годы»¹⁸².

12 августа 1995 года был открыт музей Мологского края в составе Рыбинского музея-заповедника – он был посвящен городу, уничтоженному в 1941 году в связи с заполнением Рыбинского водохранилища. Чтобы завершить реконструкцию здания бывшего подворья Мологского Афанасьевского монастыря, был открыт счет в Жилсоцбанке города Рыбинска, на него горожане могли перечислять деньги¹⁸³.

Ключевым изменением в тематике литературных музеев статистико-аналитический обзор за 1995 год называет появление персональных музеев писателей, «не относимых официальной идеологией к социалистическому реализму» -- А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Высоцкого¹⁸⁴.

10.5.2. «Публицистические» экспозиции

В 1990-е годы музеи пополняют свои коллекции не только материалами, отражающими «белые пятна» в прошлом, но и материалами сегодняшнего дня¹⁸⁵, который на глазах становится историей. Такая оперативная работа свидетельствует о новом подходе к пониманию функции музея, к созданию коллекции. За ней стоит новый опыт -- сбора источников «на баррикадах», новый тип источников – бесцензурная массовая продукция. Резко вырастает количество документальных источников: программы, листовки, воззвания и т.п. В коллекциях Центрального музея революции в Москве события 19--21 августа 1991 года представлены довольно обширным кругом экспонатов: видеокамера М.С. Горбачева, с помощью которой снято его видеообращение, булыжники с баррикады у Горбатого моста, противогазы, самодельные знамена, помятый танком троллейбус, бутылки с зажигательной смесью, личные вещи погибших. От событий октября 1993-го года в музейной коллекции остались штофы из кабинета Р.И. Хасбулатова, пластины оконных жалюзи, пробитые пулями, поврежденные детали интерьера, фрагменты алюминиевой облицовки телецентра Останкино с пулевыми пробоинами¹⁸⁶. Вскоре после захвата заложников бандой Басаева в Буденновске в Ставропольском государственном музее появилась экспозиция «Буденновск, июнь 1995-го».

¹⁸² Аксенова А.И. Суздаль. XX век. Из истории города-музея и музея-заповедника. С. 173.

¹⁸³ Овсянников С.Н. Рыбинский музей-заповедник на рубеже столетий // Страницы истории Рыбинского музея. – Рыбинск: Изд-во ОАО «Рыбинский Дом печати», 2010. С. 115.

¹⁸⁴ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). С. 7.

¹⁸⁵ Ольшевская Г.К. Создание экспозиций по истории XX века: взгляд на проблему. С. 21.

¹⁸⁶ Костюшева Е.К. Концептуальные и практические проблемы создания музейных коллекций по современности (1985-1990-е гг.) // Политическая история России. Теория и музейная практика. Сб. науч. тр. СПб., 1994. С. 82.

Для нее музейщики собирали экспонаты прямо на месте событий: «бинты с засохшей кровью, солдатский блокнотик с краткими записями, детская туфелька, кукла в разорванном платье, гильзы...»¹⁸⁷.

Вырабатывая новый подход к комплектованию материалов, музейные сотрудники обращают внимание на бытовую сферу: материальные условия, образ жизни, поведенческие стратегии. На конференции музейных работников 1996 года среди важных направлений формирования фондов были названы:

- снижение уровня жизни основной массы населения: инфляция, сокращение ассортимента товаров, качества выпускаемой продукции, роль комиссионной торговли (ценники, квитанции, перечни услуг и товаров, рекламации, образцы товаров, фотографии);

- рыночные элементы в быту: приватизация жилья, ваучеры, частная собственность на землю, уличная торговля (документы, листовки, фотографии дачных участков и дачников, объявления);

- смена приоритетов в бытовом сознании людей (материалы служб опроса общественного мнения, письма в СМИ);

- изменение досуга: отказ от поездок, падение посещаемости традиционных объектов культурного досуга, «наступление массовой культуры» (статистические данные, фото пустых домов отдыха и театральных залов, тарифы на туристические услуги, объявления об отмене электропоездов, фотографии пунктов проката кассет, репертуарные афиши, документы о телепродукции);

- падение рождаемости, сложности социализации детей (документы из детских учреждений, фото частных детских садов, переводные книги о воспитании, документы о выплате пособий на детей, не посещающих детские учреждения);

- религиозные настроения: массовое посещение церкви и увлечение религиозными обрядами, религиозная пропаганда и развитие мистических настроений в обществе (образцы массовой церковной продукции, фотографии обрядов, материалы о сеансах экстрасенсов);

- «пьянство и порнография»;

- «внедрение американских стандартов жизни в быт» (товары, телепрограммы, американизмы в вывесках и объявлениях)¹⁸⁸.

Несмотря на массовость перечисленной продукции, музейному руководству было сложно закупать подобные предметы в условиях роста цен и финансового кризиса¹⁸⁹ – поэтому каждое решение тщательно взвешивалось. Например, для создания экспозиции «Ставрополье – век XX» материалы необходимо было закупать у оппозиционного движения «Народный фронт Ставрополя», и тут мнения фондово-закупочной комиссии разделились:

¹⁸⁷ Селунская И. Ставропольский государственный музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Роман о музее. С. 99.

¹⁸⁸ Рябчикова Н.Н. Новые подходы к музейному комплектованию социально-политической истории переходного периода (с 1985 года по настоящее время) // Развитие музейного дела в городах Тюменского Севера. С. 61--88.

¹⁸⁹ Костюшева Е.К. Концептуальные и практические проблемы создания музейных коллекций по современности (1985-1990-е гг.). С. 79-85.

возник вопрос, не будет ли это финансированием оппозиционной партии за счет государственных средств?¹⁹⁰

10.5.3. «Религиозный ренессанс»

В связи с оживлением религиозной жизни в постсоветской России немалое количество выставок 1990-х годов было посвящено религиозным сюжетам, началась работа с религиозно ориентированной аудиторией. Практики все более доминирующей в России конфессии – православия – получили свое «представительство» и в музейном контексте¹⁹¹. В программах учебных заведений появились дисциплины «Иконоведение», «Религиоведение», «История православной культуры».

Важная роль в разработке учебных программ принадлежала Центральному музею древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (ЦМиАР), существовавшему в Москве с 1960 года. В 1991 году при музее была создана «воскресная архитектурно-историческая школа», в которой искусство Древней Руси изучалось в тесной связи с историей православной церкви. Одновременно музей выступал как научно-методический центр: в 1993-1994 годах он вместе с Департаментом образования проводит ряд конференций, посвященных актуальным проблемам изучения православной культуры, а также занятия с московскими педагогами¹⁹².

Религиозные праздники становятся одной из возможностей привлечения аудитории в музей, одним из способов актуализации, обновления взгляда на городскую культуру, предметы которой представлены в экспозициях. К примеру, Архангельский областной краеведческий музей сконцентрировался на бытовой городской культуре и праздниках и провел выставки «Пасха. Атрибуты городского праздника», «Рождественские праздники в Архангельске»¹⁹³.

Во время дискуссии о канонизации царской семьи в 1995 году было принято решение о создании кабинета-музея императора Николая II в здании Тобольской районной администрации (бывшего губернаторского дома, месте ссылки семьи императора)¹⁹⁴.

¹⁹⁰ Селунская И. Ставропольский государственный музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Роман о музее. С. 99.

¹⁹¹ См., например: Каулен М.Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. – М.: Луч, 2001. Издано при поддержке Института «Открытое Общество».

¹⁹² Материальная база сферы культуры: отечественный и зарубежный опыт решения управленческих, научных и технических проблем. Музей и центры традиционной культуры. Науч.-информ. сборник. Вып. 3. М., 1995. С. 3-6.

¹⁹³ Трошина Т.И. К проблеме реконструкции городской культуры музейными средствами // Исторические музеи в системе культуры города. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Музея истории города Москвы 9-10 октября 1996 г. С. 117-120.

¹⁹⁴ Мохов В.В., Зимина Н.П., Васильева И.Л., Гutowская С.М. Православие и музей // Историческому музею – 125 лет. Материалы юбилейной научной конференции. Труды ГИМ. Вып. 100. С. 233.

Экспозиция была выстроена по тем же принципам, что и многочисленные мемориальные кабинеты партийных деятелей до перестройки – новая тема не обязательно предполагала новые выставочные решения.

Впрочем, в музеях в 1990-е годы оказывается представленными практики не только православия, но и других конфессий: в 1997 году АО «Татнефть» построило «духовно-религиозный комплекс поклонения и отдыха» «Изге чишмэ» (татарск. «Святой ключ») для представителей всех конфессий на территории Билярского историко-архитектурного и природного музея-заповедника. Комплекс включал в себя шатровые беседки, полупечи для супов и шашлыков, постройку для забоя жертвенных животных. Однако расположение комплекса рядом с родником, который считался святым среди местных православных, вызвало межконфессиональный конфликт¹⁹⁵.

10.5.4. Гуманизация истории

Закон РФ №3612-1 от 9 октября 1992 года «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» признавал основополагающую роль культуры как в развитии личности и гуманизации общества и сохранении национальной самобытности народов, так и в развитии демократии, а также указывал на необходимость межнационального культурного сотрудничества и интеграции отечественной культуры в мировую.

В 1990-е годы термин «гуманизация» стал часто применяться при обсуждении исторических экспозиций. Однако, если судить по итогам исследования, результаты которого были опубликованы в 1995 году, респонденты (музейные сотрудники) имели весьма путаное представление о значении этого термина: для них это был то ли объективный показ истории, то ли соблюдение нравственных требований... В связи с этим заведующая лабораторией музееведения Г.К. Ольшевская опубликовала программную статью с разъяснением:

...для благополучного общества главной ценностью должен быть индивидуум, не абстрактный среднестатистический «человек», а каждый конкретный, его благосостояние и счастье. <...> *Человек* (его материалы в экспозиции) -- не только элемент иллюстрации исторического процесса, но он должен стать как бы основой, на которую нанизаны события истории. Причем очень важно, чтобы в экспозициях было видно, что даже *наш недавний мир вовсе не был унифицированным*¹⁹⁶.

Под «гуманизацией экспозиции» Политехнический музей подразумевал подход, при котором в основе научного и производственного процессов стоит человек, а действующие экспонаты показаны как результат творчества конкретных людей. Для этого в экспозицию музея были введены фотографии, документы, личные вещи ученых и инженеров. Интересно,

¹⁹⁵ Нестеренко И.М. Туризм в местах, являющихся объектами историко-культурного наследия республики Татарстан // Зеленодольский регион: проблемы истории и культуры. Восток-Запад: диалог культур Евразии. Под ред. А.А. Бурханова. Казань, 2003. Вып. 3. С. 330.

¹⁹⁶ Ольшевская Г.К. Создание экспозиций по истории XX века: взгляд на проблему. С. 21.

что экспозиция была «гуманизирована» и по-другому, с точки зрения подачи информации и показа: музей стал организовывать авторские выставки и привлекать к сотрудничеству художников.

Новый подход к представлению истории прослеживается и в том, как музейные сотрудники собирают материал для новых выставок. Готовя выставку о запретной ранее теме возникновения города Обнинска, музейщики «должны были оживить историю», для чего использовали воспоминания первых сотрудников секретного Объекта «В», возникшего в 1946 году для исследований в области ядерной физики. Музей даже провел конференцию, используя ее как место встреч и обмена воспоминаниями, собирая сведения о людях, которые могли бы поделиться устными и письменными свидетельствами. И люди стали помогать музею, пополнять фонды. Постепенно в Обнинске сложился круг «друзей отдела»¹⁹⁷.

10.5.5. «Музейный мультикультурализм» в постсоветской России

Ю.У. Гуральник, выступая в Москве в 1997 году на конференции музейных работников, сетовал на то, что столичные музеи мало заботятся о сохранении полиэтнической культуры Москвы и не уделяют достаточного внимания памятникам материальной культуры национальных сообществ. Он напомнил также о том, что уже в конце 1980-х годов по инициативе Советского фонда культуры предполагалось осуществление программы «Возвращение», целью которой было сохранение и развитие культур малочисленных народов¹⁹⁸. Действительно, аналитический отчет за 1995 год фиксирует отсутствие музеев, посвященных, например, литературам малочисленных народов, а также музеев, посвященные национальным литературам народов СССР (белорусской, украинской, грузинской, армянской) и их представителям, живущим на территории России в ее нынешних границах¹⁹⁹.

Однако многие процессы, происходившие в музеях в 1990-е годы, связаны с ориентацией на сохранение культурной памяти «малых» народов и национальных культур различных регионов. Эта работа проходила на фоне возрождения краеведческого движения. В 1990 г. был создан Союз краеведов России, председателем которого стал известный историк Сигурд Оттович Шмидт. На протяжении последующих лет формируется региональная

¹⁹⁷ Гаврилова Р.А. Взаимодействие музея и общественности – одно из средств музейной коммуникации (из опыта работы отдела современной истории города) // Исторические музеи в системе культуры города. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Музея истории города Москвы 9-10 октября 1996 г. С. 99—101.

¹⁹⁸ Гуральник Ю.У. Проблемы сохранения полиэтнической культуры Москвы столичными музеями // Музей – город – регион: история и современность (по материалам конференций музейных работников, состоявшихся в гг. Москве и Орле в 1997 году). С. 47—56.

¹⁹⁹ Деятельность музеев (статистико-аналитический обзор). С. 10.

краеведческая периодика. К середине 1990-х насчитывается 119 краеведческих региональных журналов²⁰⁰.

На смену всесоюзной краеведческой экспедиции «Моя Родина -- СССР» (1972 – 1986) пришла общероссийская программа «Судьбы России» (утверждена в 1995 г.), а потом Всероссийское краеведческое движение школьников «Отечество» (фактически было учреждено дважды – в 1993 и 1998 гг.). С 1997 года проводятся всероссийские олимпиады по школьному краеведению. Научные конференции, которых в 1990-е годы становится во много раз больше, на Северном Кавказе, например, проходят под «маркой» «общественного краеведения»²⁰¹. Хотя, конечно, о неоднозначности ситуации говорит история ликвидации в 1995-1998 годах ряда общественных музеев в Москве: Москворецкого краеведческого, музея Тверской улицы, Хорошевского краеведческого музея, Перовского краеведческого музея²⁰².

Рост этнического и локального самосознания приводят к созданию выставок о национальных культурах. Например, в Сургутском краеведческом музее проходят выставки «Спаси и сохрани» (1994) – о вымирании и деградации малых народностей Севера и их культуры; «Сургутские занавесочки» – про сохранение самобытности локальной культуры сургутян²⁰³. В сотрудничестве с Международным союзом немецкой культуры в 1992 году в Омском государственном краеведческом музее была открыта выставка «Немцы в Сибири»²⁰⁴.

Впрочем, на протяжении 1990-х программы, связанные с локальными идентичностями, в некоторых регионах стали «затухать» из-за недостатка финансирования. Это хорошо видно на примере Пермского областного краеведческого музея. В 1992 г. музей начал научно-исследовательскую работу в рамках программы «Социологические и экспедиционные исследования по выявлению традиционных народных промыслов и художественных ремесел Пермской области». В том же году администрацией Пермской области было принято решение о разработке целевой комплексной программы поддержки развития национальных культур народов Прикамья. Помимо этого, музей совместно с фабрикой игрушки разработал образцы кукол по теме «Народы Прикамья». В августе 1993 года музей провел конференцию «Традиционная народная культура населения Урала». Однако уже в 1994 г. три из четырех

²⁰⁰ Персин А.И. Краеведение и школьные музеи: Учебно-методическое пособие. М.: ФЦДЮТиК, 2006. С.12—13.

²⁰¹ Багдасарян А.А., Краснокутская Л.И. Летопись Пятигорского краеведческого музея (к 100-летию музея).

²⁰² Персин А.И. Краеведение и школьные музеи: Учебно-методическое пособие. М., ФЦДЮТиК, 2006. С.12-13.

²⁰³ Лазарева С.В. Создание системы выставок экспериментального характера в условиях Сургутского краеведческого музея // Развитие музейного дела в городах Тюменского Севера. Материалы региональной музейной научно-практической конференции. Екатеринбург, 1996. С. 49—57.

²⁰⁴ Вибе П.П. Международное сотрудничество Омского государственного краеведческого музея по комплектованию коллекции сибирских немцев // Исторические музеи в системе культуры города. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Музея истории города Москвы 9-10 октября 1996 г. С. 97-98.

программ по этнической истории и этнографии не получили финансирования, а в 1996 г. финансирование «практически прекратилось»²⁰⁵.

Характерный пример стилистики краеведческих проектов середины 1990-х -- проект «Земляки», который инициировали в 1995 году сотрудники краеведческого музея г. Похвистнево Самарской области. Проект был призван развивать «историческое самосознание... населения» через рассказ о ярких личностях, живших в этом крае – тут видно влияние и «гуманизации», о которой я упоминала выше²⁰⁶. Стремление зафиксировать прошлое локального сообщества заметно и в экспозициях аналогичных частных музеев – Этнографического музея в с. Лядины, музея крестьянского быта в г. Каргополь Архангельской области, музея народности сету в д. Сигово Псковской области²⁰⁷. Вокруг частных историй формирует свои экспозиции и Пятигорский краеведческий музей, создавая выставки «Пятигорск: годы и люди» (1995) и «Свидетели истории» (1996)²⁰⁸.

Наиболее активно помощь музеям стали проявлять представители сплоченных социальных групп. Например, когда посещаемость Ставропольского государственного музея резко упала, внезапная помощь пришла от потомков казаков, проявивших большой интерес к пополнению коллекций музея: «...можно сказать, используя коммунистическую фразеологию, как якобы в 1929 году середняк пошел в колхоз, так и в 1990-х казак пошел в музей. [...] Начали скрести по сусекам. И на удивление, разгромленные, почти стертые в лагерную пыль казаки сумели сберечь такие реликвии, которые до той откровенной поры считались напрочь утраченными. Так, на экспозиционной арене появляется личная коллекция оружия, украшений и утвари потомственного казака и друга музея Виктора Есаулова. Она стала основой музея казачества в Ставрополе, который существует сейчас как отдел краевого музея»²⁰⁹. Кроме того, в 1993 в музее появилась экспозиция «Культуры и быт народов Ставрополя XVIII-XX вв.», которую называли «этнической моделью региона»²¹⁰.

10.5.6. «Средовые» музеи

Параллельно описанным выше процессам меняются представления о том, как посетитель знакомится с памятниками национальных культур, и что именно является

²⁰⁵ Боброва Е.Е. Музей в системе комплексной программы Пермской области «Поддержка развития национальных культур народов Прикамья. 1992-1997 гг.» // Музей – город – регион: история и современность. С. 63-72

²⁰⁶ Музейное дело России. / Под ред. Каулен М.Е., Коссовой И.М., Сундиевой А.А. М.: ВК, 2010. С. 177.

²⁰⁷ Там же. С. 181.

²⁰⁸ Багдасарян А.А., Краснокутская Л.И. Летопись Пятигорского краеведческого музея (к 100-летию музея).

²⁰⁹ Селунская И. Ставропольский государственный музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Роман о музее. С. 90.

²¹⁰ Там же. С. 99.

«памятниками культуры» — то есть подлежит *музеефикации* — при работе с культурными ландшафтами, то есть пространствами, где соединены природные и культурные объекты²¹¹.

«Музеефикация» — один из терминов, вошедших в активное употребление в 1990-е годы. Когда в 1980-е гг. шла работа над терминологическим аппаратом музееведения и составлялся двадцатязычный глоссарий, термин «музеефикация» в него не был включен: процессами включения тех или иных объектов в сферу культурного наследия занимались реставраторы, археологи и специалисты по ландшафтам, а музейные работники не рассматривали «выявление и музеефикацию недвижимых, нематериальных, средовых объектов как неотъемлемую часть своей деятельности...»²¹². Когда такое слово появляется — терминологический фокус смещается с институции (*каким должен быть музей*) на процесс, в ходе которого возникает музейный предмет или музейная среда (*что мы «музеефицируем»*).

Наиболее интересна здесь концепция «экомuzeя», разработанная Жоржем Анри Ривьером в 1960-х — 1980-х годах²¹³, но в России адаптированная, как и многое другое, именно в 1990-е. В 1980-е годы сотрудница НИИ культуры Дина Акимовна Равикович предложила классифицировать музеи по доминантному типу хранимого и актуализируемого наследия на коллекционные и ансамблевые музеи²¹⁴. Однако, как отмечает М.Е. Каулен,

...уже в начале 1990-х годов стало ясно, что две названные группы не исчерпывают всего сформировавшегося к концу XX века многообразия музейного мира. Появляются музеи, в деятельности которых главным фактором становятся не коллекции и не ансамбли, но историко-культурная среда во всем ее многообразии [...], населенная людьми, животными, птицами, живущими и действующими в этой среде и составляющими ее неотъемлемую часть. Так, возникший в середине 1990-х годов Музей-заповедник крестьянской песни в селе Верхний Катарач Свердловской области мог вообще не иметь в своем распоряжении недвижимых памятников и коллекций артефактов — объектом хранения и актуализации в нем выступала сама традиция искусства народного пения и носители этой традиции — люди, а также живая среда

²¹¹ Подробнее см.: Каганский В. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1. С. 62-70.

²¹² Каулен М.Е. Мы все — ученики Разгона. Актуальные проблемы современного музейного дела. Сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела. Вып. 8 / Сост. Коссова И.М. — АПРИКТ. М.: ИКАР, 2010. С. 18-19.

²¹³ Ривьер Ж. А. Эволюционное определение экомuzeя / Пер. с фр. // *Museum: Международный научный журнал ЮНЕСКО*. 1985. № 148. С. 2-3.

²¹⁴ Равикович Д.А. Социальные функции и типология музеев // *Музееведение. Вопросы теории и методики: Сб. научн. трудов*. М., 1987. С. 10-24.

русского села. Такие музеи были определены в музееведческой литературе как средовые музеи²¹⁵.

Средовой музей или экомузей – это комплекс памятников и объектов, расположенных в местах их исторического возникновения на значительной территории, он позволяет сохранить и культуру, и природу, особое внимание уделяя повседневности людей, проживающих на этой территории, то есть это музей времени, пространства и деятельности²¹⁶. Первый экомузей в Сибири появился в 1986 году в хантыйском поселке Варьеган, а с 1990-го началось создание национально-культурных центров коренных народов и русских старожилов в нескольких поселках Кузбасса. Их главной целью стало сохранение и развитие культурной среды и поддержание экологического равновесия между людьми и их окружением. Музеи создавались по специальным проектам архитекторов А.Г. Афанасьева и В.Н. Усольцева и этнографа В.М. Кимеева при поддержке департамента культуры администрации Кемеровской области и местных администраций²¹⁷. В Кемеровской области в 1990-е годы был создан экомузей «Тюльберский городок», призванный запечатлеть следы исчезнувшей этнической группы тюльберов, и Мунгатский острог²¹⁸, в Калужской области – частный музей ремесла, архитектуры и быта (1991)²¹⁹, в Красноярском крае – историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» (1993)²²⁰. «Шушенское» показателен еще и как пример успешного преобразования историко-революционного музея (до 1993 года он назывался «Сибирская ссылка В.И. Ленина») в центр по изучению и сохранению культуры Сибири – комплекс крестьянских усадеб, восстановленный в 1970-е годы, согласно новой концепции развития, был дополнен этнографическими экспозициями и новыми общественными постройками: мастерскими, центрами обучения ремеслу и фольклору, магазинами²²¹.

²¹⁵ Каулен М.Е. Мы все – ученики Разгона. Актуальные проблемы современного музейного дела. Сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела. Вып. 8 / сост. Коссова И.М. – АПРИКТ. М.: ИКАР, 2010. С. 21.

²¹⁶ Шагжина З.А. Концепция экомузея «Тункинская долина» // Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляция). Выпуск I. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН; ВСГАКИ, 1996.

²¹⁷ Кимеев В.М. Национальные экомузеи Притомья // 55 лет Кемеровской области: Материалы научно-практической конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. С. 213-223.

²¹⁸ 55 лет Кемеровской области: Материалы научно-практической конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. О современном состоянии памятника см.: Першина Е. Память поколений // Медиа-центр Крапивинского округа. 2020. 24 августа (<http://media-kmr.ru/material/pamyat-pokolenijj-2.html>).

²¹⁹ Коссова И.М. Музей и образование взрослых // Ориентиры культурной политики (культурно-образовательная деятельность музеев). М.: Министерство культуры РФ, Главный информационно-вычислительный центр, 1997. Вып. 4.

²²⁰ <http://www.shush.ru/histmus.html>. Дата обращения: 30.08.2019

²²¹ Терентьева В. Сибирский экомузей // Музеи. Маркетинг. Менеджмент / Под ред. В.Ю. Дукельского. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 204.

10.6. Новые технологии в постсоветских музеях

10.6.1. Учет и хранение: электронные базы данных

Первые информационные системы учета музейных коллекций появляются в начале 1990-х: это проект Главного вычислительного центра Минкультуры РФ «АИС-МУЗЕЙ» и проект «КАМИС», разработанный в ОАО «АльтСофт».

В деле информатизации музейной работы ведущая роль принадлежала Рыбинскому музею-заповеднику. В начале 1992 года директором музея стал Сергей Дмитриевич Черкалин, по образованию – конструктор-технолог радиоэлектронной аппаратуры. Совместно с компанией «Альт-Софт» он начал внедрение комплексной автоматизированной музейной информационной системы -- КАМИС. В музее появился специалист по информационным технологиям – несмотря на то, что само здание музея было в аварийном состоянии. К проекту КАМИС проявил интерес институт «Открытое общество», основанный Джорджем Соросом²²². Фонд Сороса выделил грант на разработку и распространение более мощной системы. На эти средства были куплены первые «пентиумы» для Рыбинского музея, создана локальная компьютерная сеть, и к 1999 году музейные цифровые системы появились в 20 музеях Ярославской, Костромской, Ивановской, Нижегородской и Владимирской областей²²³. Часть музеев работали параллельно над компьютеризацией своих фондов без поддержки КАМИС: так, Ставропольский музей одним из первых в России оцифровал свои фонды²²⁴.

Созданные в начале 1990-х информационные системы были ориентированы на создание описаний музейных предметов для учетно-хранительских задач. Но в процессе внедрения этой системы возникла сложная проблема: было необходимо соблюдать единые правила описания музейных предметов, единую терминологию, то есть нужно было унифицировать музейную документацию, выработать стандарт описания музейного предмета, что является заданием скорее содержательного, чем технического характера. Л.Я. Ноль полагает, что даже к 2010 году эту проблему до конца решить не удалось²²⁵. Во второй половине 1990-х годов появилась возможность не только загружать в компьютер текстовые описания, но и использовать технологию мультимедиа, подгружая изображения и звуковые файлы. Отдельно работающие компьютеры, как уже сказано, стало возможным объединять в

²²² В 2015 году Министерство юстиции РФ признало фонд «Открытое общество» и институт «Открытое общество фонд содействия» нежелательными организациями на территории РФ.

²²³ Овсянников С.Н. Рыбинский музей-заповедник на рубеже столетий // Страницы истории Рыбинского музея. С. 118-121.

²²⁴ Селунская И. Ставропольский государственный музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. С. 96.

²²⁵ Ноль Л.Я. Компьютер в российских музеях: «этапы большого пути» // Актуальные проблемы современного музейного дела. Сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела. – Вып. 8 / Сост. И.М. Коссовой. АПРИКТ. М.: ИКАР, 2010. С. 40—45.

локальные сети, а для оцифровки текстовых данных появилась технология ретроконверсии – то есть поточное сканирование документов вместо трудоемкого ввода текста вручную²²⁶.

В 1996 году Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры РФ в рамках программы «Информационное обеспечение отрасли культуры России на 1997-1998 гг.» начал выпускать электронные базы данных по учету памятников истории и культуры, но даже в 2006 году такой учет объектов наследия в электронном виде вели только 15 субъектов РФ²²⁷. Положение «О Музейном фонде РФ», утвержденное постановлением Правительства РФ 12 февраля 1998 г. №179, гласило, что государственные музеи обязаны заявить о приобретении музейных предметов и коллекций в двухмесячный срок для включения их в фонд и получения свидетельства. Этим же постановлением утверждено Положение о Государственном каталоге Музейного фонда РФ. Каталог – это электронная база данных, в которой есть информация о предметах и коллекциях, реестр сделок и информация о хищениях и утрате музейных предметов и коллекций. Государственный каталог был вправе производить контрольные проверки достоверности сведений и выборочный визуальный осмотр. Важно, однако, подчеркнуть, что активная (и принудительная) работа по оцифровке фондов, созданию электронных архивов стала неотъемлемой чертой музейной жизни только в XXI веке.

10.6.2. Импорт и адаптация новых информационных технологий

В 1990-е годы российские специалисты стали участвовать в международных конференциях Комитета по документации CIDOC Международного совета музеев ICOM, в конференциях по проблемам музейной информатики в США, Канаде, Великобритании и других стран²²⁸. Первая крупная российская конференция под названием «Компьютеризация в музеях» прошла в Государственном Дарвиновском музее 9—13 апреля 1996 года. В том же году была создана Российская ассоциация по музейной документации и новым информационным технологиям АДИТ -- по инициативе трех крупнейших московских музеев: «Московского Кремля», Пушкинского музея и Третьяковской галереи. Первая ежегодная конференция АДИТ была посвящена теме «Использование информационных технологий в музеях и практические результаты экспериментальных исследований». Одной из задач АДИТ было познакомить именно малые и средние музеи с последними разработками в этой области, поэтому следующие конференции проводились в регионах: 1998 год – Иваново, 1999 год – Ярославль. В 1997 году АДИТ впервые провела конкурс среди российских музеев по

²²⁶ Там же.

²²⁷ Поправко Е.А. История музейного дела в Приморском крае (1941-2000). Автореф. ... докт. ист. наук. СПб., 2007. С. 40.

²²⁸ Ноль Л.Я. Компьютер в российских музеях: «этапы большого пути».

номинациям «Базы данных», «Мультимедийные электронные издания», «Интернет-сайты», а в 1998 году – «Музейный компьютерный фестиваль», на котором 10 музеев показали широкой публике свои электронные издания на CD-ROM и веб-сайты. В следующем году этот фестиваль был поддержан Институтом «Открытое общество»²²⁹. В 2000 году при поддержке Института заработал уникальный сайт Рыбинского музея, предоставлявший возможность посмотреть всю базу данных музея в открытом (!) доступе, что расширяло возможности научной работы с коллекцией музея²³⁰. На тот момент это было исключительным достижением...

10.6.3. Причины медленной компьютеризации

Новый подход к компьютеризации музеев – одна из популярных тем для бесед на музейных конференциях 1990-х. Впрочем, примеров реального применения в 1990-е годы новых технических средств было немного. Отдельные музеи вводили систему аудиогидов, как, например, Государственный Дарвиновский музей в Москве. Но в целом процесс внедрения новых технических средств шел довольно медленно: развитие архитектурно-выставочного дизайна сдерживалось не только отсутствием демонстрационной техники (она могла быть даже закуплена, но потом «омертвлена»), но и отсутствием профессионального производства аудиовизуальных программ -- из-за распространенного тогда убеждения, что надо «раздобыть это напичканное электроникой железо, а там уж все пойдет само собой, по проекту, по темплану, по эскизу»²³¹. Так, в Историческом музее им. Д.И. Яворницкого в Днепропетровске с 1977 года работал один из первых в стране диапроекторных полиэкранов – и более 10 лет он показывал один и тот же восемнадцатиминутный фильм о «современной» Днепропетровщине и достижениях в отраслях промышленности, сельского хозяйства и культуры. Хотя сотрудники научились заменять часть диапозитивов на более актуальные, фильм все равно устарел уже к периоду «перестройки».

Конечно, это входило в противоречие с представлением о посетителе, готовом к воздействию новых технических средств: «[с]овременный молодой человек, выросший в огромном городе в окружении всевозможной техники, которая стала неотъемлемой частью его повседневной жизни, среди сверкающих неонам и оформленных по последнему слову современного дизайна витрин больших магазинов и рекламы, привыкший получать

²²⁹ <https://www.adit.ru/mission/history.html>. Дата обращения: 25.08.2019.

²³⁰ Овсянников С.Н. Рыбинский музей-заповедник на рубеже столетий // Страницы истории Рыбинского музея. С. 118—121.

²³¹ Решетников Ю.В. Проблемы аудиовизуального дизайна и музейная экспозиция // Музейное дело в СССР. Пути повышения эффективности музейной деятельности. Научные труды. Вып. 20. М., 1990. С. 108-110.

информацию посредством использования новейших компьютерных систем, ждет и от музея для себя таких же форм общения и информации»²³².

Причиной этой медлительности служила не столько бедность (выше уже показано, что финансовые проблемы можно было решить с помощью иностранных фондов), сколько непонимание того, зачем нужна компьютеризация, потому что начальство спрашивало музейщиков о совсем других показателях. О том, что обучение информационным технологиям необходимо в рамках программ повышения музейных сотрудников, говорил еще А.М. Разгон в 1980-е годы. По его приглашению Лев Яковлевич Ноль в 1984 году впервые читал курс «Компьютерные технологии в музее» в Институте переподготовки работников искусства, культуры и туризма АПРИКТ (с этого времени курс стал обязательным для всех музейных групп АПРИКТ). В 1996 году в РГГУ был введен курс «Современные информационные технологии в музее». Но квалифицированных специалистов все равно не хватало, а главное – в музейной среде довольно медленно распространялась мысль о необходимости новых информационных технологий.

Заключение

В 1990-е годы происходит активное включение российского музейного дела в глобальный контекст, где основной акцент ставится на социализации музея. В российских реалиях это проявляется в диверсификации аудитории, гуманизации экспозиций, превращении ряда музеев в культурные центры, внедрении музейной педагогики. В 1990-е годы музейная педагогика для России была новаторской дисциплиной. В 2000-е, по мнению Е.Б. Медведевой, эта дисциплина скорее развивается «вширь», чем «вглубь», «передовые полки практически остаются на месте», а тезис о социальной ответственности музеев продолжает звучать громко, но оказывает влияние в основном на один вид программ – инклюзию людей с ограниченными возможностями²³³.

Многие описанные в этой главе новые тенденции в 1990-е были скорее «точками роста», о которых говорили на конференциях, чем повсеместными практиками. Говоря о формах работы с аудиторией на исторических экспозициях, Г.К. Ольшевская в 1995 году отмечала, что главным принципом построения экспозиций оставалась иллюстративность, музеи предоставляли мало возможностей для тактильного контакта, «всем не хватает эмоционального воздействия – света, звука, а возможно, и действия»²³⁴.

²³² Шацилло Л.А. Музей в условиях мегаполиса // Музей – город – регион: история и современность. С. 27.

²³³ Медведева Е.Б., Юхневич М.Ю. Музейная педагогика как новая научная дисциплина. // Ориентиры культурной политики (культурно-образовательная деятельность музеев). Вып. 4. М.: Министерство культуры РФ, Главный информационно-вычислительный центр, 1997. С. 51.

²³⁴ Ольшевская Г.К. Создание экспозиций по истории XX века: взгляд на проблему // Музейное дело. История XX века в музейных экспозициях. Сб. науч. тр. Вып. 22. М., 1995. С. 15-28.

1990-е годы стали очень противоречивым временем в развитии российских музеев: с одной стороны, музеи интенсифицировали научно-исследовательскую работу, проводили дополнительное комплектование музейных коллекций, повышали качество описания музейных предметов, с другой стороны, снижалась значимость научных отделов по сравнению с новыми, занимающимися менеджментом и маркетингом музеев. Одновременно с ростом краеведческой активности умирали общественные музеи; сотрудники музеев создавали сайты и проектировали новые выставки зачастую исключительно своими силами, без бюджетного финансирования, даже без помещений, оказавшихся в аварийном состоянии или на затяжном ремонте. Наглядный пример такого функционирования – история о том, как сотрудники Соловецкого музея работали при свечах в полярную ночь из-за постоянного отсутствия электричества, при этом умудрившись подключить свой единственный компьютер к ЛЭП.

В 2000-е годы многие наработки девяностых стали развиваться более интенсивно (в том числе в связи с выходом из финансового кризиса и ростом посещаемости музеев), но эта эпоха остается в памяти как время «пионеров» и энтузиастов, умевших преодолевать непростые условия, словно Мюнхгаузен, вытягивая себя за волосы из болота.

И не только себя. В 1970-е—2000-е годы в России развивался специфический тип урбанизации, который социолог Ирина Абанкина назвала «культурой безлюдья»: огромное количество людей уезжало из небольших городов в крупные. «Фактически можно говорить о тенденциях разрушения сети поселков городского типа и малых городов, которые должны выполнять функции локальных центров расселения, в том числе сельского. [...] С управленческой точки зрения сложившуюся ситуацию следует признать критической, поскольку практически невозможно организовать предоставление социально-культурных услуг в сельском муниципальном районе с сотней мельчайших сел, плохими дорогами, неважным транспортом и в большинстве случаев — суровыми природно-климатическими условиями»²³⁵. В этих условиях особенно важным оказывается развитие музейных кластеров, которые сейчас воспринимаются как «моторы» развития регионов. Кажется, уже стал хрестоматийным пример небольшого города Мышкина в Ярославской области, где вокруг оригинального Музея мыши вырос целый «куст» небольших музеев, превративших город в популярный туристический объект²³⁶. Во второй половине 2010-х получили известность еще несколько таких инициатив, поддержанных средствами частного капитала – так, например, фонд Владимира Потанина поддержал развитие музейных кластеров в Коломне Московской

²³⁵ Абанкина И. Культура безлюдья // Отечественные записки. 2005. Вып. 4 (25). Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/kultura-bezlyudya> Дата обращения: 31.08.2019.

²³⁶ Гершкович Е. Что такое музей. Ярославская область дает пример развития за счет туристических институций // Коммерсантъ-Наука. 2019. 23 декабря (<https://www.kommersant.ru/doc/4198603#id1841375>).

области и в деревне Сеп в Республике Удмуртия. Во втором случае создание Народного музея исчезнувших деревень (процесс исчезновения деревень и был описан в статье И. Абанкиной как национальное бедствие) дало возможность остановить – или, как минимум, затормозить – депопуляцию региона²³⁷. Но все эти процессы стали возможны благодаря «социализации музеев», которая со многими трудностями началась именно в 1990-е – и без того, что случилось в 1990-х, были бы, вероятно, невозможны.

²³⁷ [Без подписи]. Культурные инициативы как модели // Сайт Благотворительного фонда Владимира Потанина. 2018. 10 декабря (<https://www.fondpotanin.ru/press/news/kulturnye-initsiativy-kak-modeli/>).